

**Дулимов Евгений Иванович**

**Становление и эволюция  
государственных форм организации  
казачества в правовом пространстве  
Российского государства в XVI - XX в.в.**

**12.00.01 -- теория и история права и государства; история  
правовых учений**

**Автореферат  
диссертации на соискание ученой  
степени доктора юридических наук**



**Саратов, 2003**

Диссертация выполнена в Негосударственном образовательном учреждении «Донской юридический институт»

Научный консультант - доктор исторических наук, профессор  
Кислицин Сергей Алексеевич


Официальные оппоненты - доктор юридических наук, профессор  
Хачатуров Рудольф Левонович;  
доктор юридических наук, профессор  
Летяев Валерий Алексеевич;  
доктор юридических наук, профессор  
Немытина Марина Викторовна.

Ведущая организация – Нижегородская академия МВД РФ

Защита состоится 20 мая 2003 года на заседании диссертационного совета Д-212.239.02 при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права» по адресу: 410056, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104, ауд. 102, в 14 час.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права».

Автореферат разослан « 17 » 05. 2003 года.

Ученый секретарь диссертационного совета,  
доктор юридических наук, профессор  Сенякин И.И.

## Общая характеристика работы.

Актуальность темы исследования. Изучение генезиса государства и его развития в различных условиях - одна из коренных проблем **историко-правовой** науки. Хотя эта проблема изучается, начиная со времен античности и средневековья, она по-прежнему в центре внимания ученых. В условиях современной России, когда сняты идеологические барьеры, ученые-юристы разрабатывают эту проблему на основе данных истории и этнографии и значительно продвинулись в сторону расширения поля **историко-правового** анализа. Это важно еще и потому, что государство остается ведущим политическим и правовым субъектом в политической и общественной жизни, а процесс **государствогенеза** продолжается в ряде регионов мира по настоящий день. В Российской Федерации имеется целый ряд субъектов, которые претендуют на повышение уровня своей политической самостоятельности вплоть до обретения суверенности и независимости. В этой связи одним из самых дискуссионных вопросов стало выявление роли государства в становлении федеральной национальной и региональной политики. Общеизвестно, что главным проводником правовой политики, ее организатором и координатором является государство, которое может эффективно использовать юридические средства для решения проблем и достижения своих целей (А.В. Малько, Н.И. Матузов). Именно на государственные органы, а не институты гражданского общества ложится задача формирования правовой политики, в том числе управления развитием государственных структур казачества (Г.В. Атаманчук). Развитие сепаратизма на Юге России, попытки различных политизированных движений обосновать свои права на особые формы управления и самоуправления, и даже претензии на собственную государственность, делает актуальным изучение политики российского государства в отношении автономных государственных образований российских субэтносов. В данном контексте важным фактором, определяющим актуальность темы исследования, является развивающееся движение казачьего возрождения, которое постепенно становится реальной политической силой, особенно на Северном Кавказе.

Казачество до 1917 г. являлось одним из видов поселенных войск, сочетавшим военно-пограничные и территориально-милиционные функции с временной службой в регулярной армии и ведением хозяйства на льготных условиях. Как специфический сословный субэтнос с общинным ведением аграрного хозяйства и коллективистскими (круговыми) традициями самоуправления казачество всегда тяготело к обособленности, гарантированной государством. Оно обладало закрепленными в имперском законодательстве и передаваемыми по наследству правами и обязанностями. До революции насчитывалось до 4,5 млн. казаков, из них 3,7 млн. - русских. В 1917 г. юридически и в 1920

г. фактически казачье войсковое сословие было ликвидировано. В советский период потенциал казачьего населения использовался при формировании территориально-милиционных (1923-1939 г.г.) и регулярных (1936-1956 г.г.) формирований.

К настоящему времени в Российской Федерации проживает, по различным оценкам, 4-5 млн. потомков казаков, из них около 200 тыс. в той или иной форме участвуют в казачьем движении. Они расселены не только в местах традиционного проживания казачества - на Дону, Кубани, Тереке, южном Урале, Забайкалье, но и других - «неказачьих» субъектах Российской Федерации.

С 1990 года в России проводилась активная работа по возрождению казачества как самостоятельной этносоциальной группы. В начале движения стояла идея создания неправительственной общественной организации с последующим образованием автономных территорий казачьего расселения. Практически каждая политическая партия России имела представителей в казачьих организациях, и это провоцировало использование казачьих формирований в военных конфликтах, как в качестве наемников, так и в качестве союзников и партнеров. Известно участие казаков в югославском, приднестровском, северокавказских конфликтах. При неблагоприятном развитии событий возможно усиление разногласий в казачьем движении, обуславливающих стремление к созданию новых военизированных группировок, участие казачества в актах социального неповиновения в регионах, что привело к созданию идеологий казачьих государственных формирований - Донской, Дальневосточной, Зауральской и др. республики.

Перед правительством России открывается перспектива использования патриотических стремлений казачества, прежде всего в обеспечении военной, пограничной и внутренней безопасности государства, охраны общественного порядка. Для ее реализации необходимо создать механизм государственной службы казачества на основе установления четко оформленного правового статуса казачьего движения, что требует изучения процесса его становления в прошлом.

Другой фактор актуальности темы заключается в необходимости объективного изучения истории казачьего феномена с целью осмысления накопленного исторического опыта в формировании механизма взаимодействия государства и казачества. Представляется, что прежде чем формировать новый правовой статус казачества, принципиально важно уяснить содержание процесса эволюции казачества, обладавшего элементами государственности, и превращения его в военно-служилое сословие и четко определить, что именно в этом контексте необходимо возрождать в современных условиях. Многие лидеры казачьих организаций видят перспективы казачества в его утверждении как нового **военизированного сословия, выражающего** интересы казачества как самостоятельной общественной группы, который в будущем должен об-

**рести** государственность. Для осмысления места казачьего движения в современном нестабильном обществе и уяснения правомерности социально-политических претензий казачества к власти и наоборот - правительства к казачеству, чрезвычайно важно обладать систематизированным, надежным по качеству, комплексно осмысленным и репрезентативным **историко-правовым знанием** о казачестве, о принципах и форме казачьей государственности, ее специфической эволюции и исторической судьбе.

**Основная цель диссертации** заключается в изучении всего процесса возникновения и развития казачьей государственности, характера ее эволюции на протяжении XVI-XX веков на основе синтеза достижений историко-правовой науки и историографии истории казачества.

Для этого в работе поставлены **следующие задачи**:

- выделить конкретно-исторические особенности уникального казачьего **государствогенеза**, причины и этапы специфической эволюции неудавшейся казачьей государственности;
- охарактеризовать казачью систему суверенитета, управления и самоуправления, систему «казачьего **присуда**» и «войскового права»;
- проанализировать процесс становления суверенного этносоциального территориального образования и его превращения в автономную **сословно-территориальную** организацию;
- раскрыть причины и процесс интеграции казачьего сообщества в правовое пространство российского государства и подчинения;
- проанализировать основные направления трансформации политики самодержавного, советского и демократического российского государства в отношении казачества;
- выявить основные черты и особенности процесса возрождения казачьей государственности в XX веке в ходе революционных и военных событий, выяснить причины краха казачьего государственного образования - «Всевеликого Войска Донского» П.Н. Краснова;
- охарактеризовать состояние и перспективы организационно-правовых основ возрождения российского казачества и элементов его государственности в условиях демократических реформ и формирования гражданского общества.

**Географические рамки** диссертационного исследования включают в себя территории в основном Донского казачьего войска как самого древнего, мощного и образцового среди всех казачьих войск. Высокая репрезентативность донского казачества для всех казачьих войск заключается в схожести **сословно-административной** организации, аналогичности управленческих и хозяйственных структур, в единстве исторической судьбы, повлиявшей на формирование означенных территорий как замкнутых, самовоспроизводящихся государственных единиц с положенной в основу уникальной политико-правовой куль-

турой.

Хронологические рамки работы охватывают период XVI–XX в.в., включая этапы возникновения казачества и формирования основ казачьей государственности начиная с XVI в., интеграции казачества в Российскую империю в XVII–XVIII в.в., этап гражданской войны, когда завершились процессы формирования государственного устройства самостоятельного казачьего государства, советский период взаимоотношений государства и казачества и современный этап возрождения казачества и элементов самоуправления и государственной службы.

Степень научной разработанности темы. В историко-правовой литературе проблемы ранней государственности неоднократно поднимались в рамках научного направления генетического государствоведения. В литературе устоялась теория, согласно которой признаками раннего государства можно считать его структурную неустойчивость, хрупкость, относительно слабую укорененность в экономике и социальных отношений, примитивность правовых отношений. Это все вызывает подвижность и транзитивность этой политической формы.

Общие закономерности развития архаичных и раннефеодальных государств отслежены в работах российских ученых различного направления (Т.В. Кашанина, В.М. Розин, В.А. Летяев). Следует подчеркнуть, проблема возникновения и развития феномена казачьей государственности практически выпала из поля зрения юристов-историков государства и права. Это объясняется во многом тем обстоятельством, что в юридической науке длительное время господствовала схема, согласно которой развитие ранних форм государственности связано в основном с двумя путями развития общества - полисным и восточным. Промежуточные формы государственности, возникавшие на периферии мировой цивилизации, отмечались как возможные, но не осмысливались и не исследовались конкретно в историко-правовом контексте. И.А. Иванников обращает внимание на инвариантность форм государственного устройства. Р.Л. Хачатуров, А.Д. Тимонин раскрыли особенности государственно-правовых отношений в Киевской Руси. Феномен казачьей государственности в полной мере относится к таким формам и заслуживает специального историко-правового исследования, несмотря на отсутствие писаного казачьего права.

Такой подход проистекает в первую очередь из признания факта, что раннее государство, как правило, ограничивается поверхностным и спорадическим вмешательством в правовую сферу. Известен пример развития государства у фракийцев, которые не создали кодифицированного права и руководствовались народными традициями и правовыми обычаями. На догосударственных и раннегосударственных стадиях развития доминируют именно обычно-правовые системы. В свете этого обстоятельства важно осмыслить роль и значение казачьего

обычного права, которое легло в основу данной государственности.

Теория и исторический опыт функционирования обычного права раскрыты в трудах юристов, начиная с **М. Ковалевского**, **П. Новгородцева**, **С. Гессена**, **С. Пахмана** - видных представителей дореволюционной школы. В советское время под обычным правом понималось соционормативное состояние, характерное для общества находящегося на стадии перехода от **потестарного** общества к классовому. **С. Алексеев** подчеркивал, что обычное право представляло совокупность правил, регулирующие имущественные и другие отношения и получало санкцию зарождавшегося государственного образования. На современном этапе складывается мнение, что обычное право способно регулировать отношения в условиях функционирования государства. Особый интерес представляют работы по обычному праву **И.В. Нефедова**, **Т.В. Шатковской**, **Д.Г. Грязнова**, **А.Ю. Тихомирова**, **В.Е. Чиркина**, **В.Г. Мальцева**, **Д.Ю. Шапсугова**. но специальных работ по этой проблеме не было создано, что связано как с узостью **источниковой** базы, так и исторической судьбой казачества. **М.И. Байтин** подчеркивает, что разнообразие взглядов на государство и генезис права свидетельствует насколько сложным является этот вопрос, насколько оправданно «неоднократное возвращение к нему и сколь пристального внимания требует его дальнейшая творческая разработка». **Т.Н. Радько**, **М.В. Немытина** обращают внимание на то, что наряду с традиционными сугубо правовыми вопросами принуждения, контроля, учета и т.п., государство имеет социальное назначение и призвано решать более широкие воспитательные задачи, вытекающие из природы данного общества.

Внимание ученых-юристов привлекла проблема правового статуса казачества в прошлом на современном этапе его возрождения. Характерной чертой этих работ является некоторая отстраненность от исторического опыта функционирования казачьей государственности и современной политической потребности использования казачьего сообщества для решения геополитических задач.

Историческая литература по истории казачества, включая вопрос о политическом устройстве его жизнедеятельности и элементах государственности, насчитывает тысячи названий и ведет свое начало от источников, созданных самими казаками. В казачьих повестях, посвященных взятию Азова в 1637 г. и Азовскому сидению 1641 г., а также в документальных материалах администраций различного уровня самодержавной системы, сообщается о функционировании казачьего сообщества, объединенного в специфическую военно-демократическую организацию «Войско донское». Основные архивные источники сосредоточены в Центральном государственном архиве древних актов (**ЦГАДА**), Центральном государственном военно-историческом архиве (**ЦГВИА**), Государственном архиве Ростовской области (**ГАРО**). Данные архивные фонды достаточно глубоко проработаны такими совре-

**менными** историками, отразившими результаты исследований в работах по истории казачества. Дальнейшее изучение этих источников может позволить расширить характеристики дополнительных черт и особенностей развития донского казачьего **Войска**, его взаимоотношений с Москвой и т.д. С точки зрения осмысления истории права и происхождения казачьей государственности, сохранившиеся архивные фонды не могут считаться исчерпанными. Задача осмысления истории государственности казачества потребовала уточнения отдельных фактов, переосмысления документов, свидетельствующих о закономерностях зарождения, развития, становления, угасания и рецидивов этого феномена.

В Государственном Архиве Ростовской Области (**ГАРО**) значительный интерес представили фонд Войсковой канцелярии (ф. 341), фонд крепости Дмитрия Донского, содержащие документы, которые позволяют сделать вывод о наличии в XVIII веке особенностей **внутреннего** устройства и механизмах функционирования властей и сословия автономного типа. В Государственном Военно-Политическом Архиве (**ГВИА**) хранятся документы военной коллегии, ведавшей с 1721 г. донскими казаками (ф. 13 оп. 107), в том числе материалы «секретного **повытья**» (ф. 20 оп. 1/47), позволяющие судить о деятельности государственных институтов в отношении казачьего населения.

Большая часть архивных документов опубликована в сборниках «Донские дела» (Т. 1-5), «**Акты**, относящиеся к истории Войска Донского собранные г-м А.А. **Лишиным**» (Т. 1-4. - Новочеркасск, 1891-1894), «Материалы по истории Войска Донского. Грамоты, изданные И.П. **Пряшниковым**» (Новочеркасск, 1864), «Акты, относящиеся к истории Войска Донского» (Под ред. Попова Х.И. - Новочеркасск, **1902**). Полное собрание законов российской империи содержит основной историко-правовой материал для характеристики правового статуса казачества. Большой объем документов по истории донского казачества и взаимоотношений с государством содержится в сборниках документов и материалов, выпущенных Донским юридическим институтом: «Донская история в вопросах и ответах» (Т. 1-2) и «Земля в судьбах донского казака».

Центр Хранения Документации Новейшей Истории Ростовской области (**ЦХДНИРО**) содержит материалы по взаимоотношениям большевистской партии и казачества в годы гражданской войны и последующих этапов строительства социализма. Особый интерес представили обнаруженные нами рукописи М.П. Жакова, С.И. **Сырцова**, в которых характеризуется деятельность белоказачьего государства «Всевеликого Войска Донского» в 1918 г., политика большевистского руководства в казачьем вопросе. Полезны в ракурсе исследования документы КПСС перестроечного периода, посвященные характеристике казачьего движения и попыткам сформировать идеологию казачьей го-



## сударственности.

Важными источниками являются произведения донских авторов, которые являются современниками описываемых событий. К их числу, например, относится известная работа А.И. Ригельмана. Его усилиями, а также Г.З. Байера, В.Н. **Татищева**, М.М. Щербатова и др. авторов XVIII века был сформирован противоречивый комплекс характеристик этого сообщества. Новый этап историографии истории казачества связан с созданием труда **В.Д. Сухорукова** «Историческое описание земли Войска Донского», а также работ В. Броневского, А.А. Попова, Е.Н. **Котельникова**, С.Ф. Номикосова, А.М. Грекова, Е.П. Савельева. В.А. Потто, Ф.А. Щербины, Д.И. Иловайского, Н.И. **Костомарова**, В.А. **Голубоцкого**. В это время крупнейшие российские историки В.О. Ключевский, С.Ф. Платонов, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский включают в свои труды, посвященные истории российского государства, сюжеты о роли казачества в развитии российского государства в духе миграционной и колонизационной теории.

Если на первом этапе дореволюционной историографии казачество изучалось в основном как исторический феномен, имеющий как полезную, т.е. **промосковскую**, так и антигосударственную бунтарскую направленность, то на втором этапе, особенно после принятия «Положения об управлении войска донского» в 1835 году, казачество рассматривалась как сословие - законная составная часть сословного строя империи, имеющая государственный нормативно фиксированный правовой статус. В этот период издавались обзоры по всем войскам, опубликован комплекс документов, в который входили положения о казачьих войсках, распоряжения, отчеты, документы, регламентирующие штатный состав казачьих частей, порядок прохождения службы, продвижение по служебной лестнице и т.д. Литература справочного характера содержала сведения по экономике, статистике, землевладению и земледелию, войсковым капиталам, земскому обложению того или иного войска. В стране распространилась масса изданий, посвященных участию в военных кампаниях. Эти публикации способствовали мифологизации образа казака путем описания деятельности казачьих героев и атаманов. В конце XIX века появились крупные обобщающие труды по истории Донского казачества, среди которых выделяется **11** том издания «Столетие военного министерства», посвященный казачеству, «Справочная книжка Императорской Главной квартиры» и др.

Проблема функционирования специфической, подчас даже почти независимой от самодержавия казачьей государственности, ставиться не могла в принципе. К этому времени казачье сословие стало уже важной военно-полицейской силой самодержавия и его резервом. Это обстоятельство определяло содержание казачьей историографии конца XIX - начала XX веков.

После революционных потрясений 1917 г. и гражданской войны начался новый этап историографии. В рамках советского развития прослеживается несколько **подэтапов**: от революции 1917 г. до конца 20-х годов; с начала 30-х до 60-х годов; с 60-х до 90-х годов; с начала 90-х годов по настоящее время. Начало первому **подэтапу** положили документы и публикации о казачьей политике новой власти. В работах В.И. Ленина, И.В. Сталина, Л.Д. Троцкого, А.И. Микояна, Г.Я. Сокольникова, С.И. Сырцова, и др. деятелей разъяснялся тот или иной поворот большевистского курса по отношению к казачеству. Эти политики не приводили эмпирических описаний какого-либо казачьего войска, а априори исходили из того, что казаки входили как сословие в структуру российского государства, обладая значительными привилегиями по сравнению с крестьянством. Публикации того времени в основном опирались на личный опыт соприкосновения их авторов с казаками в революциях и войнах, - при работе в Казачьем отделе **ВЦИК**, службе в армии, в парторганах на территориях бывших казачьих областей и т.д. И. Борисенко, М. Донецкий, И. Ульянов пытались дать принципиально новую оценку взаимоотношений российского государства и казачества. Особо следует отметить работы С.И. Тхоржевского, который поставил вопрос о функционировании казачьей государственности. Большинство советских историков рассматривало казачество как элемент русского **крестьянства**, эмигрировавшего за пределы Московской Руси. Н.Л. Янчевский в духе школы М. Покровского утверждал, что казачество как наемное войско было орудием колониальной политики торгового капитала. Содержание **работ 1920-х** - начала 1930-х гг. сводилось к фиксации двух оценок - с одной стороны казачество рассматривалось в духе господствовавшей идеологии как орудие российского **империализма**, враг революционных преобразований в стране, с другой стороны отмечалось, что мятежное и трудовое казачество, начиная от С. Разина и Е. Пугачева и заканчивая красными казаками С. Буденного (но без упоминаний имен **Ф. Миронова** и **Б. Думенко**) в гражданской войне, является прогрессивным фактором, выражающим закономерности строительства социализма. Делался вывод о том, что колебания разных групп казачества в выборе пути были обусловлены степенью их привилегированного положения в составе военно-служилого сословия. Феномен рецидива казачьей государственности игнорировался, что отвечало социально-классовым представлениям о казачестве как обособленной части русского крестьянства.

В 20-х годах начала складываться социально-политическая и духовная основа такого уникального феномена, как российская эмиграция. Ее видные представители казачьего происхождения создали центры изучения казачьей истории - «Общество изучения казачества», «Донская историческая комиссия», редакции журналов «Вольное казачество», «Родимый край» и др. Были изданы монографии С.Г. Свати-

кова, Т.Ф. **Быкадорова** «История казачества», три тома «Донской летописи» и др. В этих трудах была рассмотрена проблема казачьей государственности, описан **государственнический** быт казачества в эпоху средневековья, представлены документальные материалы о функционировании казачьей республики «Всевеликое Войско Донское». С.Г. Сватиков считал казачество преемником традиций русского народо-правства, выразителем протеста русской нации против тирании московских самодержцев. Главным содержанием истории казачества он считал противоречие казачьего местного права и общегосударственного, борьбу казачества за свою самостоятельную государственность.

Труды белоэмигрантов-казаков **1920-х-1930-х г.г.**, **отличает**, с одной стороны, стремление к увековечиванию памяти о собственной борьбе с красными в гражданской войне, с другой - изложение фактографической стороны дела, попытка решить проблему, связанную с будущим казачества в посткоммунистической России. В 1940-е годы уровень публикаций казачьей эмиграции снизился в количественном и качественном отношении в связи с мировой войной, а также в связи с уходом из жизни многих представителей казачьей интеллигенции. Публикации журнала «На боевом посту», произведения П. Донского, Н.Д. Толстого, особенно «Исторические очерки Дона» Краснова, бывшего главы казачьего государства в **1918 г.**, перешедшего во время Великой отечественной войны на службу фашистам ради создания суверенной **«Казаккии»**, и т.п., отличались ангажированной казакоманской и одновременно антисоветской, и даже антироссийской, направленностью. На наш взгляд, эти работы не представляют не только нравственной, но и научной ценности в контексте главной, исконно-традиционной военно-патриотической функции российского казачества.

В советской историографии 1930-х г.г. по данной проблематике также наблюдался спад. В условиях перехода к политике форсированной индустриализации и сплошной коллективизации и слома нэпа число публикаций по казачеству резко сократилось. Репрессии академической школы в начале 30-х годов привели к стагнации в исторических исследованиях, в том числе в изучении казачества. Тем не менее, труды по истории казачества продолжали выходить, чему в значительной мере **способствовало** опубликование романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», который фактически легитимизировал казачество. Работы М. **Корчина**, Б.В. Лунина, П.В., В.И. Лебедева и Н.С. Чаева, С.Г. Томсинского, С.И. Тхоржевского содержали фактические сведения по истории казачества на разных этапах российской истории. Основными сюжетами казачьей истории, привлекавшим внимание советских историков, были **казачье-крестьянские** войны, роль казачества как идеологов примитивного **«дуванного коммунизма»** и борцов с крепостнической системой. Возникли «фигуры умолчания»: широкомасштабное

участие казаков в революциях и в гражданской войне на стороне антибольшевистских сил, большевистское террористическое расказачивание, роль казачьих организаций за рубежом, значение казачьего коллаборационизма в Великой Отечественной войне.

В период оттепели конца 1950-х г.г. освещались различные аспекты дореволюционной истории казачества в регионах России. Особо следует выделить фундаментальный труд А.П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке», сохранивший свою научную ценность по настоящий день.

Вызывают интерес труды видных российских историков Ю.А. Полякова, И.М. Разгона, Я.Н. Раенко, Л.И. Берза, М.Г. Аушева, А.И. Агафонова, Г.Л. Воскобойникова, П.А. Голуба, А.В. Ермолина, Н.А. Ефимова, Г.З. Иоффе, Ю.И. **Кораблева**, В.П. Наумова, В.Д. Поликарпова, Д.К. Прилепского, Л.М. Спирина, Л.И. **Футорянского**, К.А. Хмелевского, Л.А. **Этенко**, А.И. **Козлова**, И.П. **Хлыстова**, Ю.И. Серого, В.Н. Сергеева, В.П. **Крикунова**, Э.М. Шагина, Е.Н. Осколкова, **Щетнева**, В.М. **Ратушняка**, И.Я. Куценко, И.Л. Омельченко, Н.А. **Осадчего**, А.М. Седина и многих других.

Следует отметить работы этнографов во главе с Л.Б. **Заседателевой**, которые начали отходить от преимущественного идеологизированного изучения отношений в среде казачества. В конце 70-х - начале 80-х годов даже появились общие исследования о белой эмиграции, затрагивавшие и казачью эмиграцию.

После начала демократических преобразований начался новый этап развития историографии проблемы. С середины 80-х годов произошел рост числа публицистических статей по казачеству. Первоначально появлялись информационно-фактологические статьи, затем публикации журналистов с претензией на сенсационность, но открывавшие запретные темы и «фигуры умолчания». К исследованию различных аспектов возрождения казачества обратились социологи, психологи, военные. С 1987 г. по 2000 г. было защищено более 70 диссертаций по казачьей тематике.

В этот период по проблеме казачьего движения прошло множество научных конференций, даже в Московском Центре Карнеги. Следует отметить научные форумы в Москве, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Краснодаре, Томске, на которых обсуждались такие проблемы, как происхождение казачества; соотношение в казачестве элементов этноса - сословия, политика государства по отношению к казачеству, проблемы казачьего самоуправления; воинская служба на современном этапе. В ходе конференций выяснилось, что широкую общественность не устраивает достигнутый в трудах **ученых-казачеведов** уровень обобщений по этим вопросам, прежде всего сдержанная оценка преемственности казачества с древним населением Дона и Приазовья, недооценка роли казачьей государственности и перспектив казачьего дви-

жения.

Исследователи В.В. Мавродин, М.Н. **Волынкин**, С.Г. Кобяков, В.Н. Королев, В.К. Цечоев рассматривали вопрос о бродниках, как предшественниках казачества. В.В. Лунин, А.П. **Пронштейн**, Н.А. **Мининков**, А.И. Агафонов и другие ученые изучали возникновение казачьих поселений и становление казачьего сословия в связи с социально-экономическим и политическим развитием Русского централизованного государства. И.Г. Рознер полагал, что «войска» Запорожское и Донское в XVI-XVII в.в. являлись «антифеодальными государственными образованиями», «своеобразными (пусть и не развитыми) демократическими республиканскими организациями». Другие авторы считают, что общественное устройство вольного казачества как раз более всего и напоминает социально-политическую структуру доклассового общества в период военной демократии. Третьи высказывают точку зрения, согласно которой в районах вольного казачества был повторен цикл зарождения феодальной социальной структуры.

Архаичность социальной организации вольных казаков была отмечена еще дореволюционными историками, подчеркивавшими ее антигосударственный «родовой» характер (С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров), считавшими казачество тем слоем русского общества, который некогда был распространен «по всей Руси» (В.О. Ключевский). В последнее время на смену явно идеологизированной концепции казачества как «авангарда классовой борьбы» стали приходить более объективные определения его роли в крестьянских войнах. А.Л. Станиславский считает, что «вольное» казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. по своему социальному развитию было много архаичнее общественного устройства Русского государства того же времени.

В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов отметили черты сходства между древнерусской «княжеской дружиной» и «казачьим войском» и предположили, что период военной демократии, породивший «княжеско-дружинные отношения», более соответствует тому типу социальной организации, который сложился в XVI-XVII в.в. в казачьих областях на основе поголовного вооружения членов казачьих общин.

Социально-психологические стереотипы, типичные для доклассового общества, сохранялись в казачьей среде, подкрепляясь рядом архаичных общинных институтов. Ю.В. Бромлей отмечал, что казачество следует рассматривать и как сформировавшееся сословие, и как субэтнос, сложившийся из аборигенов южных степей и части населения, выделявшейся из великороссийского этноса в XIV-XV в.в. Л.Г. Гумилев даже увидел в казаках «степных пассионариев».

В целом в советской историографии проблемы казачества прослеживаются два основных подхода. Во-первых, традиционно рассмотрение казачества как части русского народа, всегда подчиненной в той или иной степени правительству России. В современных работах сле-

**циалистов** по истории казачества учитывается этнический фактор в развитии этой общности в широком спектре оценок от гипертрофии этого подхода до его принижения и абсолютизации социально-сословного подхода. Большинство ученых солидаризировалось с оценкой казачества как субэтнуса, который в силу конкретно-исторических причин не превратился в самодавяющий этнос. Донские историки исходят из понимания казачества как субэтнуса, ставшего военно-служилым сословием, сохранившим этнокультурные особенности.

Но, тем не менее, заметно стремление к выявлению определенной автономной самостоятельности донского казачьего социума. Выделяются работы Н.А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г)» (Ростов-на-Дону, 1998) и К. Сидорова которые прямо продолжили изучение казачьей государственности в духе концепции С.Г. Сватикова. К. Сидоров даже утверждает существование трех казачьих **республик** – 1614-1642, 1642-1671 и 1671-1721 г.г., однако такая максималистская постановка не подтверждается источниками. Следует отметить монографию В.Н. Королева, в которой систематизирован обширный материал, в том числе впервые введенный в научный оборот, который позволил выявить босфорский театр военных действий казачества – «босфорскую войну». Однако вести такую войну могло только государственно организованное казачье сообщество, о чем в книге прямо не указывается. Большое значение имеют труды Д.Ю. Шапсугова, В.Н. Сергеева, Н.В. Звездовой, Е.И. Рукосуева. В тоже время следует отметить, что в юридической литературе не создано работ о сущности специфической автономии казачества и тем более казачьей государственности периода средневековья. Больше внимания было уделено кратковременной истории казачьего государства в годы гражданской войны. В работах историков В.Д. **Зиминой**, А.В. Венкова, А.П. **Трута**, Ю.Д. **Гражданова** и О.В. Кондрашенко на конкретно-историческом материале рассматривается проблема функционирования белоказачьей республики «Всевеликого Войска Донского». Однако они рассматривают ВВД как имманентный элемент российской государственности. В.Н. Сергеев связал этот эпизод с деятельностью Донской советской республики, которая являлась уступкой большевиков казачьему **автономизму**. Все авторы в целом не анализировали эти сюжеты в связи с феноменом казачьей государственности в истории России на протяжении пяти столетий.

Проблема взаимоотношения возникшего советского коммунистического государства и казачества изучалась в работах А.И. Козлова, А.В. Венкова, В.Н. Сергеева, С.А. **Кислицына**, Я.А. Перехова, Е.Н. Осколкова, В.П. Трута, П.Г. Чернопицкого и др. в контексте истории СССР и КПСС также без соотнесения этой проблемы с многовековой историей казачьей государственности. На современном этапе в ходе возрождения казачества и формирования реестровых казачьих об-

**ществ**, вопросы самоуправления казачества и развития его государственных традиций стали в центре внимания исследователей. В среде исследователей доминирует мнение о невозможности полноценного и одномоментного возрождения казачества в новых условиях и как военного сословия и как субэтнуса.

Однако в работах участников казачьего движения И.И. Золотарева, А.А. Озерова, С. Казакова, В.И. Варенника, П.С. Косова, **Хижнякова**, Н. Козицына и других, несмотря на их раскол на **«реестровцев»** и «общественников», наблюдается убежденность в перспективности этого процесса и необходимости формирования структур казачьего самоуправления и войсковых и иных подразделений, находящихся в той или иной степени на службе у государства.

В связи с попыткой лидеров современного казачества активно вмешиваться в международные и межнациональные конфликты с применением вооруженной силы исследователи приступили к изучению правовых аспектов такой деятельности. **Историко-правовые** аспекты содержатся в обобщающих изданиях «Донские казаки в прошлом и настоящем», и «Донская казачья энциклопедия», «Казачий Дон», «Донская история в вопросах и ответах».

В цикле работ В.В. **Глушенко** предпринята попытка дать освещение истории казачества в контексте политической истории российского государства. Автор рассмотрел процесс интеграции казачества в российское государство и пришел к выводу, что казачье войско на раннем этапе нельзя рассматривать как вполне сложившееся государственное образование даже по типу племенных союзов.

Обзор литературы был бы не полным без оценки вклада зарубежных исследователей. Среди этого массива литературы выделяются труды русскоязычных эмигрантов. Англоязычная и т.п. историография по проблеме значительно менее обширна и компетентна, чем отечественная и русскоязычная эмигрантская. Например, журналист **М. Хиндус** написал очерки «Казаки», отразив дух советской идеологии 20-50-х годов. Представляет интерес книга историка **Ф. Лонгворта** «Казаки. Пять столетий бурной жизни в русских степях», в которой излагается история казачества с XV по XX в.в. на основе документов, выявленных в архивах Западной Европы. Авторская позиция заключается в выводе о том, что процессы индустриализации, модернизации, репрессивные меры уничтожили идентичность казаков, от которых остались лишь легенды. Западный стереотип казака раскрывает работа о казачестве **И. Бреэре**, изданная в серии, посвященной отборным войскам мира. **Р. Макнил** на основе изучения истории казаков с 1855 по 1914 г.г. показал, что к началу первой мировой войны казаки представляли собой только военно-полицейскую силу с неэффективно работающей экономикой и закономерно стали анахронизмом. Аналогичные выводы содержат исследования **А. Ситона**, **У. Германа** и др. В целом зарубежная

историография проблемы истории казачества значительно уступает по своему уровню отечественной литературе, чему есть очевидное объяснение - этот феномен слишком уникален и выпадает из норм, тенденций и традиций западноевропейской цивилизации.

**Методологической теоретической основой исследования стали принципы политической антропологии, генетический и цивилизационный подходы, отдельные положения формационной (классовой) теории.** Использовались общенаучные и **частнонаучные** методы, в том числе проблемно-теоретический, системно-структурный, сравнительно-исторический, формально-логический. Принципиальное значение имели труды по общей теории и методологии государства и права, происхождения государственности в процессе разложения первобытного строя, материалы по русскому государственному праву, административному праву, истории и теории местного самоуправления в России Д.Н. Бахраха, В.М. Гессена, Р. Гнейста, А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, Ф. Кокошкина, А.А. Кизиветтера, А. Штейна и др. Известную роль сыграла работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая ориентировала на изучение социальных причин и условий возникновения **государства**, формирования структурных подразделений государственных образований. Мы солидаризируемся с Л.С. Васильевым, который подчеркивает, что с точки зрения современных знаний вопрос о генезисе государства нуждается в дальнейшем исследовании, так как конкретно-исторические реалии за пределами греческих полисных государств оказываются настолько разнообразными и сложными, что невозможно говорить даже о более менее правильном понимании ее сущности. Историки всеобщей истории государства и права подчеркивают, что изучались в основном социально-экономические и классовые аспекты истории феодального государства и игнорировались аспекты политического регулирования жизни наций. В результате сложилась схема возникновения государственности, сводящаяся к власти-собственности, способу производства, **классообразованию**. На современном этапе развития историко-правовой мысли учеными взят курс на комплексные юридическо-теоретические и конкретно-исторические исследования исторического генезиса государства.

**Научная новизна** диссертации заключается в том, что **впервые** осуществлено комплексное **историко-правовое** исследование процесса развития и эволюции форм казачьей государственности на протяжении XVI-XX в.в. как одного из вариантов исторического генезиса государства. В работе сделана попытка синтеза достижений **историко-правовой науки** и историографии истории казачества, обогащена теоретико-методологическая база исследования, на основе которой выделяются конкретно-исторические особенности уникального казачьего **государствогенеза** и эволюции специфической казачьей **государствен-**



ности, базировавшейся на обычном праве и представлявшей сначала суверенную **этнотерриториальную**, а затем автономную сословно-**территориальную** организацию публичной власти, представлявшую цивилизационно неразвитое общество на путях его интеграции в правовое пространство российского государства. Показана типологическая принадлежность государственных форм существовавших у донского казачества. Выявлены этапы развития казачьей государственности и сделан вывод об ее инволюции, то есть развитии по нисходящей с отдельными рецидивами в условиях гражданской войны начала XX века.

Автор исследования выносит на защиту следующие положения:

1. Возникновение казачьего субэтноса явилось результатом комплексного воздействия славянских и в меньшей степени других этнических групп. В процессе миграции великорусского населения произошла глубокая и широкая русификация донского автохтонного населения, осуществлявшего жизнедеятельность на основе присваивающих и добывающих технологий. Формирование самостоятельного, практически независимого казачьего субэтноса потребовало определенных государственных форм организации общественной жизни, интеграции общности, т.е. генезиса элементов квазигосударственности на основе обычного права. Социополитические региональные протогосударственные (**атаманско-круговые**) структуры казачества стали естественным ответом на давление окружающей природной и агрессивной внешнеполитической среды.

2. Особенностью **потестарного государствогенеза** казачества явилось образование элементов государственности без развитых форм частной собственности, что частично расходится с классической марксистской схемой **государствообразования**, предполагающей классовость происхождения военной демократии, переходящей в демократическую республику. Государственность казачества развивалась замедленным образом в силу отсутствия как кровнородственных отношений, так и классовой дифференциации. Легитимная публичная власть - главный признак государства - присутствовал в неразвитой форме без юридического оформления. Незрелым неартикулированным общественным отношениям и аморфности **социокультурного пространства** соответствовало незрелое состояние казачьей государственности в форме своеобразной охлократии. Казаки в основном были беглыми крестьянами, которые порвали со своей средой, и сформировали собственную самобытность, основанную на противопоставлении его великорусскому этносу и политической власти как центра управления этого этноса.

3. Казачья государственность являлась народно-территориальной суверенной организацией публичной власти, которая представляла цивилизационно неразвитое общество и способствовала его интеграции,

преодолевая психологическую инерцию «феодално-крепостнического наследия». Используя флибустьерские (разбойные) методы жизнеобеспечения и идеологию свободы и народоправства, казачья квазигосударственность обеспечивала до XVIII века функционирование неразвитого субэтнуса, без выделения высших привилегированных страт в своем составе. Казачья государственность - это специфический режим поддержания целостности занимаемой территории, обеспечения специфического уклада жизни, сохранения духовных ценностей, механизмы самоуправления в условиях отсутствия опыта бюрократических властных отношений, патриархальности социальной организации, аморфности социокультурного пространства, функционирования обычного права и соответствующего правового сознания.

4. Социально-правовой статус казачества XVI - первой половины XVII веков характеризуется определенной независимостью от российского государства при выполнении ряда добровольно взятых на себя функций сословного характера. В этот период казачество не было классическим феодальным сословием, являясь фактически территориальным субъектом, так как сохранялись качества независимого субэтнуса.

5. Понятие вассалитета-сюзеренитета применительно к отношениям Москвы и Дона дополнено представлением о складывании конфедеративного партнерского союза Москвы и Дона под началом самодержавия, о геополитической гегемонии Руси и авангардной (колониационно-цивилизационной) регионально-окраинной роли казачьего субэтнуса как пассионарной части великорусского этноса с включенными в него инонациональными элементами. **Государствообразующим** признаком институционально-должностного вовлечения публично-правового характера стало принадлежность к казачьей **этносоциальной** группе.

6. Интеграция казачества в XVIII веке в состав российской империи под давлением абсолютизма остановила процесс развития казачьей государственности и обусловила начало ее инволюции в направлении отмирания, затухания, деградации и постепенной ликвидации. Сформировавшийся в XVIII веке латентный **автономизм** казачьей Земли Войска Донского был временным компромиссом имперского самодержавия с **государственническими** интересами казачества.

7. Превращение в XVIII-XIX в.в. казачества в имперское сословие и его полная интеграция в механизм власти - как самовоспроизводящейся квалифицированной военно-полицейской силы при объективно развивающемся параллельном процессе капиталистического раскачивания - закономерный объективный итог исторической инволюции правовой легитимации этносоциального феномена казачества.

8. «**Всевеликое** Войско Донское», кубанское и др. государственные казачьи образования являются рецидивами исторически возникшей ка-

защей государственности, возродившейся в период крушения централизованного имперского российского государства и гражданской войны. Легитимизация казачьих государственных образований свидетельствует о сохранении определенных имманентных факторов, обуславливающих возрождение идеологии казачьего государства.

9. Для политики советского государства по отношению к казачеству характерен эгалитарный **нигилизм**, обусловивший зигзагообразность и непоследовательность, выразившиеся в создании Донской советской республики, Походного Круга, террористическом расказачивании, нэповском вовлечении в советское **строительство**, сталинском раскулачивании с элементами расказачивания. Попытки фашистского рейха использовать казачьи **государственнические** инстинкты являлись способом манипуляции общественным сознанием населения оккупированных территорий с целью укрепления своих военно-политических позиций в ходе Второй мировой войны.

10. Развившееся в условиях демократических реформ и кризиса в межнациональных и социальных отношениях движение казачьего возрождения, попытки формирования казачьей государственности в различных формах местного самоуправления, стремление к разработке нового правового и социального статуса казачества - это реакция на крушение союзной государственности и ослабление российской федерации в пограничных территориях и регионах. Восстановление **государственнических** традиций казачества надо оценивать с учетом требований гражданского общества новой постиндустриальной эпохи и тенденций глобализации мирового развития.

**Апробация результатов исследования.** Итоги исследования обсуждались на кафедре правовых дисциплин Донского юридического института, проблемной группой по истории казачества Российской Академии Естественных Наук, научной секции ростовского регионального отделения ВОПД «Духовное наследие», конференции «Гражданское общество, государство и казачество». Положения и выводы автора получили апробацию на республиканской и ряде региональных конференций, в учебном процессе Донского юридического института. Материалы диссертации нашли практическое применение при подготовке решений и законопроектов Комитета по делам казачества и других административных структур **Ростовской области**. Основное содержание исследования отражено автором в четырех монографиях и ряде статей. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

### **Основное содержание исследования.**

**Во введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, аргументирована научная **новизна**, цель исследования, раскрыты его теоретические и методологические основы, **сформулиро-**

**ваны** положения, которые выносятся на защиту, определена практическая значимость диссертации.

**В первой главе «Формирование и инволюция казачьего субэтнуса и его квазигосударственности в дореволюционный период»** рассматриваются проблемы развития военно-демократического самоуправления и войскового права казачества и их эволюция в процессе интеграции казачества в правовое пространство российского государства. В § 1 **«Суверенитет донского казачества и его основы: военно-демократическое (атаманско-круговое) самоуправление и войсковое право»** выясняется происхождение и формирование специфического суверенитета казачества, определяются формы его функционирования. Донское казачество как обособленная общность или субэтнос сформировалось на территории своей - Донской земле - в ареале бассейнов рек: Дон, **Бузулук**, Хопер, Медведица и Северский Донец с центром в районе нижнего Дона создало свое собственное политическое образование на основе принципов военной демократии, всеобщего вооружения народа и относительно централизованной власти. Подчеркивается, что данная проблема является чрезвычайно сложной и противоречивой, так как казачество, втягиваясь в правовое пространство российского государства, часто проявляло себя его противником-антагонистом, выступавшим с претензиями на самостоятельное развитие и возрождение традиций самоуправления и других элементов своей государственности.

Автор солидаризируется с позицией, что многие народы выделяют из своих рядов наиболее активную, энергичную, по Л. Гумилеву - «пассионарную» часть - передовую ударную силу, которая функционирует в пограничных зонах и живет по своим особым законам и в то же время выполняет миссионерскую и цивилизаторскую, в чем-то экспансионистскую миссию. Казачество было элементом механизма русской колонизационной стратегии, хотя сами казаки - самостийные волонтеры России вряд ли осознанно ставили такие цели. Объективно казачество стало своеобразным историческим авангардом русской нации в целом, российской евразийской цивилизации.

Официальное начало - старшинство - установлено самодержавием Донскому войску 3 января 1570 г., когда боярин Иван Новосильцев привез на Дон грамоту донским казакам с царским обещанием выплачивать за службу жалованье. Однако реально процесс формирования Войска начался значительно ранее. Важными условиями формирования этноса является формирование общности территории и языка. Вопрос о времени и степени формирования этих признаков казачьего общества является одним из самых дискуссионных, и автор склоняется к тому мнению, что процесс формирования казачьей общности на Дону начался на базе автохтонного населения параллельно с борьбой Московской Руси с татаро-монгольским игмом. Позднее, в XVII в. ведущую

роль в этом процессе сыграли миграции беглых великоросских крестьян. Автор диссертации солидарен с точкой зрения о преимущественно миграционном происхождении казачества, которая объясняет процесс возникновения казачества как результат всего развития Российской государственности, в ходе которого имело место складывание деспотического режима и крепостничества, стимулировавшего вынужденные миграции населения. По мере усиления потока беглецов на Дон от крепостнических порядков резко возросла роль активной **маргинализованной** части великорусского крестьянства, которое и обусловило славянизацию и русификацию немногочисленных автохтонных элементов местного населения. Испытывая чувство вражды как к помещикам, так и к крепостническому **государству**, она пыталась на свободных территориях установить альтернативные социальные порядки, активно сопротивляться интеграции в состав Московского царства и даже завершению формирования своего собственного государства.

В диссертации приводятся мнения крупных **ученых-казаковедов**, которые пришли к выводу, что к концу XVI века на Дону преобладали выходцы из социальных низов России, но при этом имелись значительные вкрапления представителей дворянства, мелких служилых людей южных городов. Казачество не только являлось в основном частью восточнославянского, прежде всего русского населения, но само признавало себя частью русского народа, а Донскую территорию - одной из земель «Московской области». Но это не означает отрицания факта развития тесных связей с окружающими народами.

Казачество насчитывало в XVI веке 8-10 тыс. человек. После распространения семейной жизни на Дону и появления слоя коренного потомственного казачества к началу XVII века численность поднялась до 20 тыс. Эти данные имеют принципиальное значение, так как показывают реальное значение казачества как серьезного геополитического фактора в пределах «дикого поля» между Доном и Волгой. Казачье общество этого периода вплотную приблизилось к формированию того уровня государственности, который историки-юристы именуют «ранним», «**потестарным**», «варварским».

Русское государство было жизненно заинтересовано в сохранении контроля над южными территориями со стороны православного русского казачьего населения, несмотря на его специфическое полуанархическое устройство и определенную конфронтацию с крепостническими порядками на Руси. В результате Дон и позднее Кубань, Терек, Нижняя Волга, Сибирь стали своеобразными естественными колониями русской нации, которые развивались на основе военной демократии и народоправства, т.е. форм правления, которые напоминали внешне республиканский политический режим. Военно-демократический образ жизни создал предпосылки для формирования общинного образа защиты территорий, то есть внутри общины каждый мужчина - «**воен-**

**нообязанный»**. В результате во второй половине XVI в. на Дону образовалась относительно многочисленная милитаризованная казачья община, которая вызывала негодование крымского хана и турецкого султана, считавших казаков скрытыми слугами московского царя и активными пособниками его внешней политики.

На основании этих фактов еще нельзя считать эту стихийно функционировавшую достаточно разобщенную общность республикой или иным государственным независимым образованием. Но, безусловно, ошибочно сводить **вопрос** о казачьих формах жизнедеятельности к функционированию примитивных общин, объединяющих имеющееся население в приграничных областях. На наш взгляд, источники свидетельствуют, что сформировалось **уникальное протогосударственное независимое образование** под специфическим названием - «Войско Донское», которое длительное время функционировало, находясь на грани перехода к этапу оформления государственности, так и не перейдя ее, в конечном счете. Многочисленные исторические факты, приводимые в главе, доказывают, что существовала тенденция образования устойчивой государственности наряду с тенденцией развития субэтнуса в полноценный этнос, однако ни первая, ни вторая тенденции в силу объективных причин не получили завершения.

Казачество постепенно, в течение двух столетий превратилось из субэтнуса в военно-служебное сословие, сохранившее свои субэтнические культурные и иные характеристики. Корпоративный статут существовал первоначально в виде неписаного регламента или традиционного обычая и только затем санкционировался в той или иной форме государством. В обеспечении благосостояния казаков особую роль играла военная **добыча**, а также промыслы, и, наконец - фактор материальной поддержки со стороны московского правительства. Это объясняется тем, что на Дону практически отсутствовало земледелие, за занятие которым полагалось жестокое наказание. Казаки всеми силами стремились не допустить собственности на землю и социальной дифференциации по типу московского государства. Этот аспект нуждается в дальнейшем особом осмыслении, так как именно отсутствие устойчивого земледелия тормозило процесс социальной дифференциации среди казачества и как следствие - своевременного создания государственного аппарата казачьей республики, писаного войскового права и т.д. Основная масса казачества было достаточно обеспечена, и на основе этого слоя сложилось стабильное устойчивое сообщество, которое развивалось без особых катаклизмов вплоть до середины XVII века. Только позднее стали обостряться социальные различия, формироваться противоречия, послужившие предпосылками разинского восстания.

Наличие свободной, преимущественно православной русской общности казаков вызывало, с одной стороны, недовольство самодержа-

вия, с другой - налицо было его определенное удовлетворение самим фактом освоения Дикого поля казачьим населением окраин с перспективой присоединения этих территорий к Руси. Московское правительство первоначально использовало донцов ограничено для охраны русских послов, разведки, набора вооруженных вспомогательных отрядов для конкретных походов и стремилось перевести эту деятельность в русло служебного права по образцу функционирования «городовых казаков».

Войско Донское считало себя независимым, хотя несло спорадически вспомогательную службу русскому царю на добровольных и взаимовыгодных основах, исходя из принципа: «Здравствуй, царь православный, в кремлевой Москве, а мы на Тихом Дону». Причем, исполняя добровольно взятые на себя **обязанности**, казаки могли в любой момент это прекратить, если считали себя обиженными, что и делали неоднократно. За службу они получали в XVI в. **нерегулярно** продовольственные и воинские припасы, в которых очень нуждались, так как не имели ни **земледелия**, ни производства. Такая же ситуация сложилась и на Кубани, Яике (Урале), Тереке (Старшинство Терское войско получило в 1577 г., Сибирское и Семиреченское войско в 1582 г., Яицкое в 1591 году). Можно согласиться с тем, что с этого времени казаки смотрели на Москву как на источник благ и стремились сделать его отзывчивым к интересам казачества, однако некорректно считать, что этим было положено начало служебному праву, так как реально функционировали союзнические или партнерские отношения Дона и Московского государства. Не имея возможности сформировать служебное казачье право казаков-союзников и тем более перевести услуги казаков в постоянную военную обязанность подданных, Москва временно создала своих собственных - служилых казаков. В 1571 г. князь Воротынский составил «Устав сторожевой станичной службы», который представлял фактически перспективный вариант вовлечения и интеграции казачества в правовое пространство московского государства. Вольное донское казачество откращивалось от такой перспективы и доказывало свою независимость от Москвы, периодически открыто конфликтуя с ней.

Очень важно правильно оценить состояние знаменитой казачьей квазигосударственной демократии: казачьи войсковые круги, институт войскового права и суда - неповторимые государственно-правовые структуры и традиции казачьего общежития. Войсковой круг контролировал всю территорию, на которой проживали казаки. Она называлась землей казачьего присуда, то есть казачьей компетенции. Московское государство именовало эту территорию Землей донских казаков или Землей Войска Донского. Круг принимал различные войсковые грамоты, которые являются правыми источниками, свидетельствующими о существовании определенной формы государственности. В

XVI и XVII столетиях все принимаемые установления по всему спектру политического, государственного и социального бытия казаков в основном носили устный характер, но, несмотря на это, решения имели характер прецедентов и образовали нормы - обычаи. Несмотря на неписанный характер, войсковое право признавалось Москвой практически до конца XVIII века.

Казачество вполне могло превратиться в условиях непрерывных военных действий и преодоления постоянных угроз со всех сторон в настоящие орды грабителей с деспотической властью по типу известных флибустьерских общностей, но это не произошло. Казаки считали себя «рыцарским» сообществом и осознанно представляли свою **атаманско-круговую** демократию как альтернативу российским крепостническим порядкам, что рельефно проявилось во время мятежей и восстаний. Характеризуя казачью государственность, конечно нельзя ее абсолютизировать, забывать о ее ограниченности и исторически переходящем характере, отсутствии механизмов самозащиты казачества в случаях попыток отдельных групп того же казачества узурпировать власть и навязать свою волю войсковому кругу. В главе показывается несовершенство войскового права и делается вывод о том, что отсутствие писаного уложения и устава, поста войскового судьи, юридическая неоформленность ведущих институтов казачества - атаманства и Войскового Круга - предопределили судьбу казачьей государственности.

Московское правительство постоянно стремилось урезать **казачьи** территории, постепенно наступая на них с севера и с **востока**, что вызвало обострение отношений с Доном. Во время Смуты казачество заняло позиции, которые одни историки называют антинациональными, другие - антигосударственными, третьи - разбойными или даже революционно-освободительными. В реальной действительности в этот период действовали различные группы казачества - служилое казачество польской Украины, «воровские» казаки, жаждавшие наживы, донские вольные казаки, стремившиеся к народоправству и круговой демократии, но уважавшие самодержца как национального вождя и Божьего помазанника. В рамках каждой группы казачества существовали свои противоречия, что также сказывалось на политической позиции и поэтому нельзя говорить однозначно о позиции всего казачества. Однако на заключительном этапе борьбы с поляками и на созванном в **1613** г. Земском Соборе казаки сыграли заметную роль. Они решительно содействовали избранию царем **М.Романова**, но в последующем в соборах и других государственных мероприятиях не принимали участия. В **1618** г. было установлено ежегодное жалованье казакам за несение пограничной службы, но, несмотря на это, казачество как войско так не присягнуло царю на верность, то есть не признало служебного московского права. Царская власть была вынуждена со-



гласиться с этим, так как была занята восстановлением государственного порядка в резко сократившемся в территориальном отношении государстве. Царизм оказался не в состоянии содержать даже имеющееся служилое население «по прибору» и стал переводить часть стрельцов, служилых казаков в «тягло», что было зафиксировано в Соборном уложении 1649 г.

Донское казачество получило потенциальную возможность укрепить свои квазигосударственные институты и довести их до параметров классического государственного образования. Во втором десятилетии XVII века сразу после смуты произошло образование военно-политического объединения верхних и нижних казачьих юртов - в качестве единой территории Войска Донского, что имело принципиальное значение. Казаки по-прежнему сопротивлялись принятию на себя обязательств под присягой и настаивали на том, что они, являясь «холопами» царя - слугами России, служили на добровольной основе как приверженцы общей православной веры и русского народа. Казачий Дон ревностно следил за сохранением своего суверенитета и собственного войскового права. Тесно взаимодействуя с Москвой в вопросах обороны и внешней политики, Войско не допускало вмешательства в свои внутренние дела и даже периодически казнило правительственных посланцев, пытавшихся навести «царский» порядок на Дону.

Особой чертой донского войскового права было предоставление политического, социального и религиозного убежища беглецам из России, выразившееся в чеканной формуле - «С Дона выдачи **нет!**». Принимая беглых крестьян, казаки вызывали негодование русских помещиков, требовавших от правительства прекращения сложившейся практики укрывательства на Дону. Политическая необходимость вынуждала Москву временно мириться с существованием донской казачьей, республиканской по характеру, государственности, с совершенно чуждыми ей социальными и политическими порядками. Однако вопрос ликвидации казачьей государственности был вопросом времени. Например, сибирское казачество к этому времени уже усиленно теряло черты самостоятельности и автономности. В Москве функционировало в 1613-1646 г.г. несколько приказов - разрядный, челобитный и казачий, которые занимались личным составом казачьих корпораций, кроме Донских, Терских и Яицких, которыми ведал посольский приказ. Южнорусское казачество, представленное **протогосударственными** образованиями - казачьими военно-демократическими республиками, прежде всего наиболее развитое Донское войско, находилось в принципиально других условиях, и было практически независимо от Москвы в рамках добровольно принятых на себя обязательств.

Особое значение имел сложившийся механизм взаимоотношений Москвы и Дона, формирования политики царского самодержавия на Дону, который характеризуется в литературе понятиями «**вассалитет-**

созеренитет». На наш взгляд, понятие «вассалитет» больше соответствует европейским реалиям, а в условиях России и Дона де-факто сложился **ранний конфедеративный союз** ведущего старшего и ведомого младшего партнеров: великого московского царства и периферийной казачьей государственности. Присылаемые донцам знамена и жалованье были своеобразной инвеститурой. Принципиально важна передача функции сношения Москвы с войском Посольскому приказу, что свидетельствовало о признании Москвой самостоятельности и легитимности Дона. Войско вопреки **желанию** Москвы в 1637 г. взяло штурмом мощную крепость Азов и предложило ее занять московским воеводам. Этот шаг полностью отвечал геополитическим устремлениям Русского государства к Черному морю, однако Москва после Смуты не имела возможностей воспользоваться успехом казаков. Вопрос об Азове обсуждался на спешно собранном в 1642 г. Земском Соборе, после которого казаки были вынуждены покинуть крепость. Государь в своих грамотах с каждым годом усиливал требования подчинения московской власти донских казаков и прекращения своеволия, то есть самостоятельности во внешней сфере. В тоже время истощенное пятилетним «азовским сидением» донское казачество было вынуждено просить о материальной помощи Москву и согласиться на посылку в край вспомогательных войск. Решающим и поворотным пунктом, поставившим последнюю точку в распаде конфедеративного союза Дона и Москвы, стало принятие **крестоцеловальной** присяги донцами на верность царю после подавления разинского восстания в 1671 г. Начался этап интеграции донского казачества в правое пространство России.

В 1676 г. казачество дало повторную общую присягу на верность новому государю. Правительство резко усилило политическое **давление** на Дон с целью запрета социального убежища для беглых крестьян. «Гольтьба» более не допускалась к решению важных вопросов и «стояла за кругом». Царизм делал ставку на зажиточное низовое казачество, перераспределяя в его пользу жалованье и используя его для подчинения всего войска своей воле. Однако династические неурядицы не позволили самодержавию завершить процесс подчинения казачества.

**В § 2 «Интеграция и адаптация казачьей этносоциальной общности в правовом пространстве Российской империи»** раскрывается процесс превращения казачества в служилое сословие. С началом азовских походов нового самодержца Петра I и превращения России в абсолютистскую империю в начале XVIII в. вопрос об уничтожении самостоятельности Войска Донского встал во весь рост. Петр I не желал мириться со своеволием и республиканскими претензиями казачества, кроме того, ведущая боевые действия в ходе Северной войны армия испытывала недостаток в регулярной кавалерии, и царь стремился компенсировать это иррегулярными частями казачества.

Разгром восстания К. Булавина стал завершающим моментом, определившим ликвидацию самостоятельности казачества на Дону в целом. В ходе петровского террора была уничтожена треть Войска (населения и станиц), причем усмирение повстанцев носило демонстративно жестокий характер. Границы казачьего народоправства были резко сужены, хотя официально это было оформлено только через 14 лет. Исходя из логики абсолютизма, Петр I отнял у войскового круга всю его прежнюю самостоятельную власть над войском и предоставил ее Войсковому атаману. Наказные атаманы продолжали формально избираться кругом, но стали утверждаться царем, притом уже не на один только год, а постоянно. Войсковые атаманы сделались полновластными начальниками Донского **войска**, с которым они или оставались дома, или выступали в поход, передавая на это время управление территорией Наказным атаманам. Принципиально важен факт передачи в 1721 году Войска в непосредственное ведение Военной Коллегии, а не посольского приказа, свидетельствующий о его подчинении государству.

При Екатерине II резко усиливается вмешательство Российского государства в донские порядки. Казачество пытается отстоять элементы внутренней автономии, связанные как с внутренним самоуправлением, так и с возможностью обособления региона в рамках империи. Назначенный Войсковой атаман Степан Ефремов становится практически авторитарным правителем Войска Донского и входит в конфликт с центральной властью. В 1765 г. он представил в военную коллегию записки, в которых предлагал сосредоточить всю военную и гражданскую власть в руках войскового атамана и войсковой канцелярии, ликвидировать войсковой круг, отозвать с Дона правительственные комиссии. За автономистские требования Ефремов был наказан.

Последней попыткой казачества отстоять свои вольности стало в известной мере казачье-крестьянское движение Емельяна Пугачева. Поскольку Донская старшина поддержала правительство в борьбе с мятежниками из яицкого казачьего **войска**, Екатерина не решилась на прямое и полное уничтожение автономных донских порядков. Казачье самоуправление на уровне станицы и хуторов осталось здесь практически без изменений, права казачьей старшины на участие в работе войсковых администраций были сохранены, а права атаманов ограничены. В феврале 1775 г. Екатерина II ликвидирует Круг, утверждает Войсковое гражданское правительство и вводит на Дону имперское право. Отношение к казачеству самодержавия было достаточно двойственным, с одной стороны казаки привлекались к участию во всех войнах, например в 1768-1784 г.г. в турецкой и польской войнах участвовало 22 тысячи донских казаков. Но одновременно Екатерина жестоко наказала и даже **переименовала** Яицкое войско в Уральское, а Запорожская Сечь и вовсе была ликвидирована.

Вольное казачество становится служилым и в этом качестве выполняет функции защитника государства. **Старшина**, вошедшая в состав войсковых администраций и утверждавшая частное землевладение на территориях войск, ограничивала власть атаманов, атаманы следили за старшиной и ее связями с казачеством, а вся эта система контролировалась «регулярной» местной и высшей властью Российской империи. Особенности развития России в XVIII веке обусловили появление казачьего дворянства. Иногда в эту категорию казачья старшина попадала в индивидуальных случаях за особые заслуги, по особому императорскому указу, но чаще всего - по списку, составленному войсковым атаманом, утверждаемому Императором. Они образовывали собой особое сословие государственных казачьих чиновников - донское дворянство.

В новых условиях по мере роста социальной дифференциации казачества на Дону сложилось три социальные группы: простые станичные казаки, пользующиеся общим **юртовым** довольствием и продолжающие нести поголовную военную службу; чиновники-офицеры с частным землевладением и дворянскими выборными правами; иногородние и крепостные крестьяне из числа прибывших на Дон переселенцев.

6 ноября 1797 г. император Павел I отменил войсковое гражданское правительство и восстановил для ведения всех дел войска прежнюю войсковую канцелярию из наличных старшин. Но император Александр I, следуя своей «антипавловской» политике, указами 25 февраля **1802** г. и 6 февраля **1804** г., снова повелел «войсковую канцелярию составить», но подчинив ее ведомству Правительствующего Сената». Этими указами было утверждено за чиновниками, ставшими дворянами, преимущество назначать по своему выбору лиц из своей среды на все должности; за рядовыми казаками оставлено только право избирать станичных атаманов и заседателей в Гражданскую Экспедицию и Сыскные Начальства. Традиционное казачье выборное самоуправление сохранялось только на станичном и хуторском уровнях, но и этого было достаточно, чтобы выделять донскую землю и другие казачьи территории как административные единицы с особым внутренним устройством и местного **самоуправления**, особыми правами коренного населения. Это была урезанная, но, тем не менее, реальная автономия **сословно-территориального** характера, элементы которой сохранялись вплоть до реформ 60-70-х г.г. XIX века.

Однако очевидные неудовлетворительность и несогласованность всех произведенных со времени Петра I реформ в казачьем самоуправлении, затрудняли как функционирование казачьего войска, так и управление им со стороны государства. Казачество показало во время Отечественной войны **1812** года, что оно является надежным щитом Российского государства. В то же время было известно, что хотя каза-

чьими частями составляли основу партизанского движения и легкой кавалерии регулярной армии, они не вызывали особого доверия у высшего командования. Это объяснялось тем, что казаки сохраняли не только боевые традиции, но и «зипунные», то есть изымали у населения и разгромленного противника ценности в свою пользу. Донские атаманы и офицеры отличались по своему менталитету от основного кадрового корпуса армии. Все это вынудило в 1819 году императора Александра I учредить местный комитет из войсковых чиновников для составления специального казачьего Положения, установившего внутренний порядок Войска Донского в соответствии с имперским правом.

Законом 1835 года донские казаки передавались как в военном, так и в гражданском отношении в ведение военного министерства. В руках войскового Наказного атамана и одновременно военного губернатора, сосредотачивалось главное начальство военного и гражданского управлений. Центральными органами были так называемые «войсковые дежурства» и «гражданское войсковое правление», находившееся в Новочеркасске. Войско разделялось на четыре военные округа, которые управлялись **«окружными генералами»**, «избираемыми по общим выборам чиновников к должностям из отставных генерал-майоров». Окружные генералы опирались на местах на станичных атаманов, которые подчинялись им только по военной части, а нижние казачьи чины только в то время, когда они по очереди выходили на полевую службу, а по ее окончании - только на ежегодных смотрах. В остальное время они вступали в **«состояние гражданское»**, но с обязанностью содержать себя в постоянной готовности к выходу на военную службу.

Казаки традиционно отбывали на службу с собственным снаряжением и на своих лошадях, стоимость которых зачастую превышала их возможности. Поэтому неимущие нижние чины снаряжались частично за счет пособий из специального фонда. Срок службы, включая пребывание в запасе, составлял 30 лет. Казаки, вступающие в торговое общество, освобождаются от полевой и внутренней службы за ежегодный взнос в военный фонд по 200 руб., а калмыки-табунщики за ежегодный взнос за них станицами или частными владельцами табунов от 75 до 25 рублей. Допускались льготы и по семейному положению, с согласия станичных сборов и войсковых дежурств.

Гражданское управление области, по Положению 1835 года, с теми незначительными изменениями, которые вошли в Свод 1857 года, имело специфические органы: 1) войсковое правление, состоящее из четырех экспедиций (исполнительной, хозяйственной с войсковым казначейством, поземельной и счетной), а также из рекрутского Присутствия, строительной и продовольственной комиссии и 2) отдельные войсковые учреждения: Приказ общественного призрения, врачебная управа, почтовая **контора**, депутат (губернский предводитель дворянства), суд уголовный и гражданский, прокурор со стряпчими, а также

Новочеркасский коммерческий суд. В семи гражданских округах были окружные учреждения: Сыскное начальство (уездное полицейское управление), казначейство, почтовая контора, депутат, опека, Судное начальство. В станицах сохранялись станичные сборы, в которых участвовали как урядники и казаки, так и служащие, и отставные чиновники, живущие в станицах и пользующиеся **юртовыми** паями.

«Положение об управлении Войска Донского» окончательно регламентировало все стороны жизнедеятельности казачества как территориального военно-служилого сословия. Дон стал теперь специфической российской казачьей провинцией с элементами автономизма, резервуаром для создания новых казачьих войск на востоке и юге империи.

Реформы середины 1860-х г.г. привели к дальнейшему укреплению государственной зависимости казачества. Созданное в 1958 г. Управление иррегулярных войск было переименовано в 1867 г. в Главное управление Иррегулярных войск, а в 1879 г. - в Главное управление казачьих войск с сохранением своей главной директивно-командной функции. Понимая, что главная обязанность казачества заключалась не в **земледелии**, а военной службе, управление постоянно стремилось усилить военные функции казачества. Предпринимались меры по объединению военных и гражданских органов управления путем слияния. Это удалось достичь на окружном уровне. В ходе реформирования системы местного управления правительство стремилось добиться максимальной унификации административного устройства казачьих областей по образцу имперских территорий.

После назначения в 1865 г. генерал-губернатором и Наказным атаманом генерала П.Х. Граббе, а в 1866 г. войсковым Наказным атаманом генерал-адъютанта **А.Л. Потапова**, а в 1868 году генерал-адъютанта М.И. Черткова, правовое положение казачьего Дона стало быстро изменяться к худшему. Целым рядом последовательных узаконений были отменены последние права, оставшиеся еще у казаков как следы их исторических полномочий, сохранялась лишь их поголовная военная служба, ставшая при этом необязательной для дворян.

В связи с изданием нового положения о военной службе казаков Донского Войска и переименованием «Земли войска донского» в «Область» были утверждены новые штаты внутреннего военного и полицейского управления и войскового (гражданского) правления, призванные усилить контроль за казачеством. В течение 1869-1878 годов упразднены почти все оставшиеся еще особенности гражданского управления Донской области пред другими губерниями.

Рядом с изменениями в самом управлении, преобразования коснулись и личных и имущественных прав казаков. В **1868** году последовало «дозволение русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск». Правилами и

Положением Военного Совета от 26-го сентября 1873 года были обращены в **потомственную собственность** поместных и беспоместных чинов войскового сословия и их семейств все наделенные им **срочные** земельные участки, которые раньше в известных случаях могли возвращаться еще в войсковое владение. Этим сводился к минимуму свободный запас ближайших к станицам войсковых земель, предназначенный для прирезок к станичным юртам до 30 десятин на душу, согласно Положениям 1835 года и 21 апреля 1869 года.

Положение от 14-го октября 1874 г. и Устав от 17-го апреля 1875 г. в Войске Донском вводили всеобщую воинскую повинность, предусматривавшую снижение срока службы вместо 30 лет - 20 лет, из которых 3 года в приговорительном разряде, 12 - в строевом и 5 - в запасном. Были сохранены обязанности казаков содержать в исправности необходимое для выхода в любое время на службу вооружение, снаряжение и лошадей в соответствии с требованиями армии.

Ранее осуществленные преобразования, сломившие прежнюю самостоятельность казаков, закончились введением земских учреждений в области Донской, на основании проекта, выработанного по указаниям атаманов Потапова и **Черткова**, и утвержденного императором 1 июля 1875 года. Ведению земств не передавались ни войсковое **хозяйство** с его двухмиллионным оборотом, ни выборы на все местные гражданские должности, зависевшие еще до 1866 года от выборных чиновников, а когда-то от общего войскового круга. Земству были отданы только выборы мировых судей и заведование земскими **повинностями**, без всех средств войскового капитала. Участие станичных казаков в традиционном войсковом круге было заменено участием менее чем половины казаков в окружных земских собраниях. Недовольство казаков уравниванием казачьей круговой демократии с общероссийскими порядками привело к отмене земств.

Последняя треть XIX века характеризуется социально-экономическим разложением казачьего сословия, которое тогда же стало именоваться расказачиванием. Поземельное устройство казачьей жизни стало постепенно тяготеть к уравниванию с укладом других сословий. Станичные земли объявлялись в общинном владении, а не в собственности, в то же время земля офицерам и классным чиновникам передавалась теперь не в пожизненное владение, а потомственную собственность. В апреле 1868 г. было разрешено лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимость на территории казачьих войск, в 1869 г. был разрешен выход из войскового сословия и зачисление в него посторонних лиц. В результате возросло число иногородних на территории казачьих войск в европейской части России.

Ряд актов распространил на казаков общие для всей России правила торговли и ремесел и зафиксировал всесословный характер станичных обществ и право участия в сходах лиц невойсковых сословий. Ка-

зачья **сословно-территориальная** автономия все более размывалась в ходе объективного рассказывания как составного элемента идущей десословизации империи в ходе развития индустриализации и втягивания в этот процесс окраин страны.

Власти всеми силами пытались сохранить в экономическую основу функционирования казачьих войск - привилегированный и весьма специфический порядок землепользования и землевладения, собственное казачье управление традиционно закрепленными территориями. Эти архаичные особенности приходили в определенное противоречие с возрастающим в количественном отношении неказачьим иногородним населением войсковых областей, которое стало в скором времени представлять большинство жителей всех казачьих областей. В результате сохранялось принципиальное социальное противоречие между казачьим и неказачьим населением, что имело в будущем далеко идущие трагические последствия. Кроме того, на новом этапе жизнедеятельности казачества в конце XIX века главной его функцией стала уже не пограничная, а служба в строевых кавалерийских частях, что изменило целый ряд подходов государственных органов в отношении конкретной организации воинской повинности казачества. Во-первых, огнестрельное оружие казаки стали получать от казны. Во-вторых, боевых коней, как правило, они приобретали за счет пособий из войсковых средств. В-третьих, уничтожалась автономия в плане набора на службу, категорически воспрещались любые уклонения, самостоятельные подходы, своеволия в этом вопросе. Завершающийся перевод казачьих войсковых соединений из иррегулярных в фактически регулярные армейские формирования означал неизбежную унификацию требований и подходов во всех проявлениях воинской и гражданской жизни казаков и неказаков.

Социальное положение казачества колебалось вместе с изменениями и потрясениями в обществе, затрагивающими его жизнь, службу и быт. Кризис верхов негативно сказывался на настроении **казачества**, которое становилось все менее надежной опорой монархическому строю. Начало XX века было для России катастрофическим: русско-японская война и революция 1905-1907 г.г. В конкретных исторических условиях Юга России уже в период первой русской революции, казаки вместе с крестьянством требовали радикальных изменений существующего положения, самоуправления, освобождения от воинских повинностей, перераспределения земель, возвращения вольности и независимости, отмены обязанности полицейской службы.

В конце XIX - начале XX в.в. казачество входило в устаревшую сословную структуру российского государства, представленную кроме него, сословиями **дворянства, духовенства, мещанства, крестьянства, купечества** и др. Участие казаков в подавлении революционных выступлений рабочих и крестьян в 1905-1907 г.г., сказывалось на соци-



**ально-экономическом** положении казачества в целом и определении роли этого сословия в дальнейшем развитии России. Казаки, в итоге, получили сомнительную славу «царских сторожевых псов». Учитывая возраставшее недовольство казачества мобилизацией на внутреннюю службу, власти пытались при помощи финансов и всеми другими возможными способами сохранить союз с казачеством.

Казаки, отказавшиеся от службы, лишались материальной поддержки, а участвовавшие в революционных выступлениях и разного рода волнениях антиправительственного характера, передавались суду, штрафовались, лишались воинских званий, зачислялись в ряды «бунтовщиков».

Разница в социально-экономическом положении различных слоев казачества приводила к противоречивому отношению их к властям, общественным движениям и политическим партиям в России.

Казачество часто сдавало свой земельный пай или его часть иногороднему населению в аренду. Этому способствовала экономическая **политика** царского правительства в казачьих районах, которая была направлена на сохранение станичного общинного землепользования, представлявшего собой натуральную плату казакам за пожизненную военную службу.

Казачьи верхи, войсковое начальство, казачья бюрократия объективно противостояли также обедневшему рядовому казачеству в станицах. Большинство казаков находилось в состоянии ухудшающегося материального положения, усугублявшегося необходимостью несения обременительной воинской повинности.

Главные требования революционного и демократического движения в начале XX века концентрировались вокруг вопросов созыва Учредительного собрания, решения аграрного и рабочего вопросов. Та часть казачества, которая участвовала в демократическом движении, думала, прежде всего, об удовлетворении своих нужд и потребностей и в первую очередь об освобождении от воинской повинности. После **1905** г. царское правительство пообещало выполнить требования казачества, которые сводились к отмене мобилизации 2-й и 3-й очереди для внутренней службы, к введению местного самоуправления и независимости от Военного министерства. Путем мелких уступок и больших обещаний, царю и его министрам удавалось удерживать казачество от активного участия в различных политических партиях и объединениях.

Во время выборов в I Государственную думу были выбраны в основном казачьи либералы, отражавшие взгляды интеллигенции военного сословия, и принадлежавшие к партии кадетов. После разгона I Думы, правительство предприняло попытки по созданию консервативно настроенной II Думы. Казачьи кадеты-депутаты были подвергнуты гонениям, после того как приняли участие в Выборгском собрании и

подписали Выборгский манифест. Их лишили политических прав, отняв тем самым возможность быть избранными во II Думу.

Несмотря на все манипуляции, предпринятые администрацией в ходе выборов, в казачьих районах вновь победили либералы. Настроение казачьих избирателей не изменилось, хотя власти повысили денежные и другие пособия казакам, находившимся на службе внутри империи. Несмотря на все это, во II Государственной Думе казаки-кадеты были еще оппозиционнее, чем в I-й.

Получив возможность голоса на трибунах Думы, казачество вышло на политическую арену страны как общественно-политическое движение. Социально-экономический кризис в стране отразился на военном сословии в полной мере. Участие казачества в войне и революции в начале XX в. ухудшило его экономическое положение. Казачество было возмущено продолжающейся мобилизацией 2-й и 3-й очередей для полицейской службы. Но это был только повод для возмущения. Настоящая причина недовольства казаков заключалась том, что они теряли полностью сохранившиеся еще элементы самоуправления и попадали под полную и безграничную власть Военного Министерства. Казачьи депутаты, большинство которых принадлежало к кадетской партии, продолжали борьбу в III и IV Думах за права и гражданские свободы казачества в рамках концепции казачьего «областничества».

Во второй главе «Казачья политика постреволюционной власти и рецидивы казачьей государственности в первой половине XX века» в центре внимания массовое участие казачества в революционных катаклизмах и гражданской войне, в ходе которых идея казачьей государственности нашла частичное воплощение. В § 1 «Образование и поражение Донской советской республики **белоказачьего** государства «Всевеликое Войско Донское» рассматривается уникальный рецидив казачьей государственности в период гражданской войны России - «Всевеликое Войско Донское». Революционные катаклизмы 1917 г. поставили во весь рост проблему судьбы казачества и его земельных привилегий по сравнению с крестьянством и иногородним населением. После свержения самодержавия Временное правительство отменяет все существовавшие ограничения казачества в гражданских правах и разрешает выборы областных войсковых казачьих кругов. Военный министр А. Гучков издает приказ «О реорганизации местного управления казачьего населения», в котором говорилось о необходимой отмене всех правоограничений казаков, не оправдывающихся условиями их военной службы, облегчении тягот казаков при снаряжении на службу, изменении системы местного самоуправления. В регион назначаются комиссары Временного правительства для наблюдения за деятельностью местных учреждений.

С 26 мая по 18 июня 1917 г. работал 1-й Большой Войсковой круг Войска Донского. На нем были приняты решения в духе предыдущего

съезда по аграрному вопросу, проблеме самоуправления в области, порядке прохождения казаками военной службы в мирное время и управления войсковым хозяйством. При этом всеми делами войска должен был полностью управлять Войсковой круг и избираемые на нем Войсковой атаман и Войсковое правительство. **Круг** утвердил специальный законопроект о полном самоуправлении области. Делегаты круга избрали Войскового атамана, которым стал знаменитый казак - генерал А.М. Каледин, и Войсковое правительство.

Таким образом, оформление и деятельность высших органов казачьего управления на Дону весной-летом 1917 г. имели большое значение для возрождения и поступательного развития исторической казачьей государственности и других процессов в общественно-политической и хозяйственно-экономической сферах жизни области. В период февральской республики органы казачьего самоуправления проделали значительную и полезную работу как в плане реализации демократических принципов при формировании и функционировании местных органов власти, так и в плане продуманного, всестороннего и весьма эффективного управления всеми внутренними делами области Войска Донского.

В условиях продолжающейся войны и кризиса казачество первоначально относительно нейтрально восприняло октябрьскую революцию. Это позволило большевикам достичь первоначальных успехов в разгроме войскового правительства А.М. Каледина, которое предприняло попытки укрепления казачьей государственности в новых условиях как альтернативы происходящему перевороту. Правительство Каледина не смогло закрепиться у власти и добиться поддержки фронтового казачества.

Пытаясь закрепить свою победу, большевистское руководство пошло на создание Донской Советской **Республики**, которую возглавили большевик-казак В. Ковалев и беспартийные казаки Ф. Подтелков и В. **Кривошлыков**. Это было бесспорно определенной уступкой идеологии казачьего областного автономизма и в известной мере заигрыванием с казачеством, которое в целом признавалось лидерами большевиков как потенциальная «русская Вандея». Начавшиеся весной 1918 г. социалистические преобразования по достижению уравнительного землепользования продемонстрировали казачеству перспективу ликвидации традиционных привилегий и прав. Донская советская республика была разгромлена. Подтелков и Кривошлыков были повешены самими казаками, заключившими союз с немецкими интервентами. Попытки большевиков создать новые формы просоветской казачьей государственности в виде «Походного круга красного казачества» провалились. Казачество не поверило в красный вариант казачьей государственности и поддержало альтернативное белое движение, став костяком его кавалерии и превратив Дон в «Русскую Вандею».

Фактический переход в ходе гражданской войны подавляющего большинства казачества на сторону белого движения вызвал адекватную реакцию со стороны большевистского правительства, которое начало преследование контрреволюционной части казачества и процесс сословного раскачивания в отношении всей остальной массы казаков. Однако в условиях ожесточенного террора с обеих сторон раскачивание быстро переросло в политику массовых репрессий. Оргбюро ЦК РКП(б) приняло 24 января 1919 г. известный циркуляр, содержащий такие пункты, которые позволили ретивым революционерам осуществлять огульный массовый террор по **сословно-национальному** признаку, что и произошло в ряде случаев. Хотя спустя два месяца этот циркулярное распоряжение было приостановлено, а затем и отменено, оно оказало крайне негативное влияние на ход войны. Большевики «заигрывали» с казачеством, дали ему частичную автономию, согласились на войсковой круг и даже льготы, но делали это непоследовательно. Как признал И. Рейнгольд, они не учли того **факта**, что казаки - это «воинственный народ» со своим историческим прошлым, началами обособленности, независимости, самостоятельной государственной жизни и поэтому политика истребления без всякого разбора приведет к тому, что «мы с Доном никогда не справимся».

Во многом под впечатлением огульной террористической политики большевизма на Дону начались восстания казачества против советской власти. В результате на территории Дона возникло новое казачье государственное образование «Всевеликое Войско Донское» во главе с атаманом П.Н. Красновым. Это образование стало последним рецидивом казачьей государственности, просуществовавшим с весны 1918 г. по февраль 1919 г. и заслуживающим специального анализа.

«ВВД» Краснова активно использовало в целях своей легитимации историческую аргументацию, терминологию, традиции. Здесь функционировала государственно-политическая система лично-сословной диктатуры, регулярная казачья армия, включавшая почти 50 тысяч человек, осуществлялось управление и самоуправление, даже проводилась самостоятельная экономическая и социальная политика. В казачьем государстве действовало Правительство, Донской парламент - «Войсковой круг» и «президент» - Войсковой атаман генерал-лейтенант П.Н. Краснов. Личной ответственности за экономическую политику правительства атаман не нес, поставив себя вне критики основных институтов казачьей республики. А. Богаевский писал в эмиграции в 1929 г.: «Вторая половина 1918 и весь 1919 год казачьи области представляли собой действительно независимые государства, хотя и не признаваемые другими **державами**, со своеобразным республиканским образом правления... Полнее всего эта временная самостоятельность выразилась в донском войске, где даже был свой денежный станок, не говоря уже о своем Гимне, Флаге и Печати. Войсковой атаман,

принося присягу верности законам своего **войска**, принимал сильную власть, более значительную, чем у любого из президентов современных республик».

Краснов пытался создать Юго-Восточный «**Дона-Кавказский союз**», куда должны были войти на федеративных началах самоуправляющиеся казачьи области юга России и Союза горцев, потерпел неудачу. ВВД Краснова протерпело крах вследствие, во-первых, антипатриотической прогерманской ориентации казачьей государственности, во-вторых, разлада с Добровольческой армией Деникина, в **третьих**, отказа учитывать интересы неказачьего населения Дона, противоречия в казачьей среде и, наконец, в-четвертых, военных успехов противника - Красной армии. Печальную судьбу имела казачья государственность на Кубани, где Кубанская Рада вошла в конфликт с денкинцами и также потерпела поражение.

В § 2 «Трансформация политики коммунистической партии и советского государства по отношению к казачеству и **его государственности**» **выясняется** степень учета новой властью уроков гражданской войны, характер правовых и иных уступок казачеству. Победившие в Гражданской войне большевики ожесточились и как победители не нуждались в компромиссе с казачеством. Они исходили из того, что Дон и Северный Кавказ были «советской Вандеей», резервуаром пушечного мяса для белых» и поэтому необходимо проведение последовательной политики социального расказачивания с элементами политического давления и ограничения гражданских прав казаков.

Ушедшие в эмиграцию идеологи белого казачества раскололись на «самостийников» (П. Краснов, А. Шкуро), доказывавших необходимость после разгрома коммунистического строя восстановления казачьей государственности и казаков-патриотов России (А. Богаевский), рассматривавших казачество исключительно как составную часть русского народа и не видевших перспектив суверенной «Казаккии».

Атаманы Дона, Кубани, Терека и др. лидеры казачьей эмиграции неоднократно заявляли, что хотя казачество **Юга** России является частью русской нации и особой ветвью русского **народа**, они будут руководствоваться конституциями и законами, принятыми в годы гражданской войны возникшими казачьими образованиями. Они рассматривали эти объединения как плацдармы, с которых предстояло утвердить новую центральную власть во всей России, а затем обеспечить для казаков местное самоуправление с правом решения земельного вопроса.

В то же время небольшая часть казаков-эмигрантов, обосновавшаяся первоначально в Софии, пропагандировала идею, что казачество - это народ, и вынашивала мысль о создании государства Казаккия (Козаккия) на основе Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского и Оренбургского казачьих войск. Эта группа и ее сторонники пытались распространять свои взгляды в Европе и США, но не

смогли убедить казачью эмиграцию. Ныне старая дилемма «сословие или народ» по разным, в том числе и конъюнктурным соображениям, воспроизводится и учеными, и лидерами казачества, и политиками.

Такая политика продолжалась до середины 1920-х г.г., когда выяснилось, что казачество в условиях нэпа смирилось с новой властью и готово к сотрудничеству. Большевистская политическая элита по инициативе Н. Бухарина и Г. Сокольниковца при участии С. Сырцова скорректировала противоречивую политику в отношении казачества, переходя (но не отменяя) от социального расказачивания к широкому вовлечению трудового казачества согласно решениям апрельского 1925 г. пленума ЦК ВКП(б) в социалистическое строительство. Были созданы специальные казачьи воинские территориальные формирования и проведена амнистия вернувшихся их эмиграции белоказачков. Следует отметить введение в название советов термина «и казачьих депутатов», а также кратковременную попытку создать казачьи национальные районы на Северном Кавказе.

После свертывания нэпа в ходе сталинских репрессий в процессе коллективизации и раскулачивания была уничтожена старая атаманская верхушка и часть казачьей интеллигенции, которые были носителями этой концепции. Советизированное казачество рассматривалось и государством, и им самим как часть колхозного крестьянства в СССР.

В период Великой Отечественной войны идея казачьей государственности активно использовалась казачьими коллаборационистами во главе с генералами-эмигрантами Красновым и Шкуро, а также «казачком» Г. фон Панвицем. Во имя иллюзорной цели создания «суверенного» казачьего государства в рамках фашистского рейха казачьи дивизии «СС» сражались в составе оккупационных войск Гитлера в России и в Югославии. Учитывая, что казачество является частью русского суперэтноса, можно считать позицию красновцев не только антирусской и антисоветской, но и по большому счету - антиказачьей. Казнь по приговору советского трибунала в 1947 г. коллаборационистов Краснова и Шкуро была в известном смысле финальным трагическим аккордом в истории казачьей государственности.

**В 3 главе «Возрождение казачества и проблема казачьей государственности в период демократических реформ в Российской Федерации»** рассматриваются попытки реанимации казачьей государственной автономии и самоуправления и проблемы формирования правового статуса возрождающегося казачества на современном этапе.

**В § 1 «Движение возрождения казачества и попытки реанимации казачьей государственной автономии и самоуправления»** показан первый этап становления общественно-патриотического казачьего движения со всеми характерными для него правовыми противоречиями. После перехода СССР к перестроечным преобразованиям на территории бывших казачьих областей развернулось движение возро-

**ждения** казачества. В 1990 г. в Ростовской области был создан «общественно-патриотический» Союз казаков области войска, который возродил традиционную государственную символику казачества. Он признал казаками всех потомков казачьих родов, а также «лиц по духу, родом интересов и практической деятельностью связанных с казачеством». Большой Круг СКОВД принял резолюции с требованиями Президенту СССР об осуждении резолюций директивы Оргбюро о расказачивании, о реабилитации всех жертв антиказачьих репрессий, о наведении порядка в отношении мигрантов в области, о возрождении традиционного казачьего общинного землепользования и др. В конце 1991 г. СКОВД выступил с обращением к народным депутатам советов области с призывом восстановить казачье национально-государственное образование - Донскую республику в составе РСФСР. В обращении говорилось также о необходимости создания казачьей гвардии на базе дивизии МВД «Дон-100» с прямым подчинением Президенту. В 1992 г. идея воссоздания казачьей государственности типа автономной **казачьей советской** республики была поддержана VIII сессией областного **совета** народных депутатов.

В процесс была вынуждена вмешаться прокуратура, которая опротестовала решение **облсовета** в декабре 1991 г. как незаконное, противоречащее действующей Конституции. В сентябре 1992 г. казаки СКВОД явочным порядком захватили бывший особняк Парамонова, бывший дом политпросвещения обкома КПСС, и добились передачи части здания. У казаков появилось оружие, незаконно полученное во время участия в защите Приднестровья в период конфликта с Молдавией. Радикальный курс СКВОД несколько был скорректирован после замены Мещерякова В.А. Калединым - дальним родственником знаменитого атамана и генерала.

Рецидив казачьей государственности не состоялся, однако проблема самоуправления сохранилась. Для снятия остроты вопроса в структуре главы администрации области был создан комитет по казачеству, который взял под своей король деятельность многочисленных казачьих кругов как органов самоуправления. Таким образом, по мере нарастания демократических реформ стал изменяться и статус казачьего движения.

Первые перспективы для формирования правового статуса казачества открыл еще Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов», где казачество впервые называлось «культурно-этнической общностью людей», **подвергшейся** необоснованным преследованиям власти. Поскольку был признан факт репрессий в отношении **казачества**, то встает вопрос о его реабилитации в правовом и территориальном отношениях.

В главе разъясняются отдельные положения данного Закона, и подчеркивается, что Закон не отвечал на очень важный вопрос, **кото-**

**рый** ставил под сомнение его практическую реализацию в отношении казачества: кого считать казаком в бывшем казачьем регионе, в котором в результате миграций и ассимиляции казачество потеряло свою этническую **субъектность**. Попытка ответа на этот вопрос содержалась в Указе Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. №632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества», где в пункте 3 было сказано, что казаками считаются граждане, относящие себя к прямым потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной службы, а также граждане, в установленном порядке добровольно вступившие в казаки.

Устанавливались определенные правила для объединения и создания казачьих обществ: фиксированный персональный состав; наличие устава, утверждаемого соответствующими главами администраций, либо Президентом Российской Федерации; регистрация, как юридического **лица**, то есть наличие в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленного имущества и возможность отвечать по своим обязательствам этим имуществом, от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные **права**, нести обязанности, быть истцом или ответчиком в суде, иметь самостоятельный баланс или смету.

Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1992 г. № 632 определились еще два важных направления по реабилитации: отвод земельных наделов казачьим обществам для коллективного землепользования на безвозмездной основе, а также возможность на территории компактного проживания казачества с использованием традиционных форм казачьего самоуправления. Выбор формы самоуправления предлагалось производить на основе свободного волеизъявления граждан в ходе местного референдума.

Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 г. № 3321-1 «О реабилитации казачества» за казачеством признавалось право на: возрождение традиционного социально-хозяйственного уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства и общепринятых прав человека; установление территориального общественного самоуправления в местах коллективного проживания в традиционных для казачества формах в соответствии с Законом Российской Федерации «О местном самоуправлении Российской Федерации» от 6 июля 1991 г.; возрождение в пределах действующего законодательства традиционных для казачества форм землеустройства, землепользования и распоряжения землей, несения воинской службы в частях Вооруженных Сил и пограничных войск Российской Федерации; восстановление традиционных наименований населенных пунктов и местностей, улиц, площадей, объектов культуры, просвеще-



ния, производственных и иных объектов на основе свободного волеизъявления всех групп населения в местах компактного проживания казачества, на основании действующего законодательства; создание общественных казачьих объединений с исторически сложившимися названиями, в том числе землячеств, союзов и других, их регистрацию и деятельность в общем порядке, установленном для общественных объединений граждан.

Указ Президента Российской Федерации «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества» от 15 марта 1993 г. № 341 предполагал создание казачьих формирований под эгидой силовых министерств. Однако он остался невыполненным в полном объеме, прежде всего, потому, что принцип двойного подчинения казачьих частей противоречил армейским уставам. Заложенные в нем идеи расходились с правовыми основами вооруженных сил и поэтому, натолкнувшись на обоснованное сопротивление **Генштаба**, не получили своего развития.

**В § 2 «Возрождение казачества и проблема правового обеспечения самоуправленческих форм казачьей государственности на современном этапе демократических реформ в Российской Федерации»** анализируется процесс поиска новых целей, организационных форм и правовых методов развития казачьего движения. В 1993 г. закончился советский этап формирования правовых основ для возрождения казачества в России и придания ему организованного характера. Однако отсутствие механизма реализации вышеперечисленных законодательных актов и ясно сформулированной государственной политики по отношению к казачеству не позволяло придать движению за возрождение казачества целенаправленный характер. Раздробленность казачьих общественных объединений и различные подходы к проблеме возрождения казачества в условиях политического раскола всего общества усложнили эту задачу.

Принципиальное значение для дальнейшей деятельности Войсковых казачьих обществ в России имело принятие 22 апреля 1994 года Постановления Правительства Российской Федерации № 335 «О концепции государственной политики по отношению к казачеству». В нем было определено, что казачество большую часть своей истории связано с государственной службой, и именно в период своей государственной службы казачество приобрело те черты, которые характеризуют его как специфическую часть российского **народа**. **Сочетание** службы государству и специфического военно-земельного уклада жизни могло послужить основой становления традиционных форм государственной службы казачества, доказавших свою высокую эффективность на протяжении нескольких столетий.

Первым шагом по реализации концепции государственной полити-

ки по отношению к казачеству явился Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 года № 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», который утвердил Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации. Таким образом, было выполнено требование статьи 51 ГК РФ, которая определяет, что юридическое лицо подлежит государственной регистрации. В документе были разграничены казачьи общества, взявшие на себя обязанности государственной службы, подлежащие регистрации по делам национальности и региональной политике и казачьи общества, действующие на основе Закона Российской Федерации «Об общественных объединениях». Временное положение определяет условия и порядок внесения казачьих обществ в государственный реестр, а также основания для исключения казачьего общества из государственного реестра.

16 апреля 1996 года Президентом Российской Федерации был подписан ряд Указов, которыми последовательно регламентируются проблемы казачьих обществ «Вопросы Главного управления казачьих войск при Президенте Российской Федерации», «О порядке привлечения членов казачьих обществ государственной и иной службе» и «Об экономических и иных льготах предоставляемых казачьим обществом и их членам, взявшим на себя обязательства по несению государственной и иной службы». Этот пакет - своего рода итог нормотворчества последних лет по удовлетворению интересов казачества и реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Однако уже 11 декабря 1996 года Указом Президента Российской Федерации № 1673 был признан утратившим силу Указ от 16 апреля 1996 года № 562, внесены изменения в пункт 9 Положения о привлечении членов казачьих обществ к государственной и иной службе, а также утверждено Положение о Главном управлении казачьих войск при Президенте Российской Федерации.

Эти Указы заложили правовую основу для деятельности казачьих обществ как специфического полугосударственного института. В Положении о привлечении казачьих обществ к государственной или иной службе подчеркнута принципиально важная задача - обеспечить становление государственной службы казаков, создать стройную структуру единого казачества России, состоящую не из фрагментов, а из войсковых обществ и отдельных округов, объединенных в одно целое, чтобы успешно выполнять государственные задачи. В казачьем обществе казак проходит подготовку к будущей государственной службе.

Появился, согласно Указу Президента, новый государственный орган - Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации. К его аппарату разрешено прикомандирование определенного числа офицеров, лиц начальствующего состава органов внутренних дел с оставлением их на военной службе в порядке и на условиях,

предусмотренных Указом Президента от 15 октября 1991 года «О прикомандировании лиц офицерского состава и лиц начальствующего состава органов внутренних дел к высшим органам исполнительной власти РСФСР и Администрации Президента РСФСР».

Положение, утвержденное вторым Указом, определяет виды государственной и иной службы, к которой, исходя из исторических традиций Российского казачества и современных потребностей государства, привлекаются члены хуторских, станичных, городских и приравненных к ним иных казачьих обществ, окружных (отдельских) и войсковых казачьих обществ, порядок взятия членами этих обществ на себя обязательств по несению государственной и иной службы и привлечения их к такой службе. Обращалось внимание на то, что привлечение членов казачьих обществ к государственной и иной службе не должно преследовать политических целей и только способствовать возрождению традиционных для казачества форм хозяйствования, реализации и защите гражданских, экономических, социальных и культурных прав и свобод членов казачьих обществ, развитию их активности, повышению престижности военной службы, военно-патриотическому воспитанию и иной деятельности, предусмотренной федеральным законодательством и законодательством субъектов Федерации.

Положением были определены виды службы, к которой привлекаются члены казачьих обществ, и порядок привлечения их к службе. Они, в частности, несут военную службу в порядке, установленном федеральным законодательством: привлекаются к охране государственной границы в составе общественных формирований, к участию в таможенной охране в составе федеральных таможенных органов.

Взятые членами казачьего общества на себя обязательства по несению службы отражаются в уставах этих обществ, а также в уставах окружных (отдельских) казачьих обществ и уставе войскового казачьего общества. Обращено внимание на то, что члены казачьих обществ исполняют воинскую обязанность и несут военную службу в соответствии с Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе», Указом Президента от 15 марта 1993 года «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества», а также другими нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок подготовки к военной службе, поступления на военную службу и ее прохождения, пребывания в запасе (резерве) и военного обучения.

Устав Войсковое Казачье Общество «**Всевеликое** Войско Донское» утвержден Указом Президента Российской Федерации от 17 июля 1997 г. № 612 и внесен в государственный реестр казачьих обществ 1 июля 1997 г. за № 13. Ростовский областной комитет государственной ста-

**Тистики**, рассмотрели учредительные документы, 15 июля 1997 г. № 3/135 внес Войсковое казачье общество «**Всевеликое Войско Донское**» в единый государственный реестр предприятий и организаций всех форм собственности и хозяйствования как государственное учреждение.

В соответствии со статьей 49 ГК РФ Войсковое казачье общество «**Всевеликое Войско Донское**» имеет специальную правоспособность, т.е. обладает только теми гражданскими правами и несет только те обязанности, которые предусмотрены его Уставом и соответствуют целям его создания. В Уставе Войскового казачьего общества «**Всевеликое Войско Донское**» определены цели деятельности, среди которых следует выделить: 1. объединение граждан, взявших на себя обязательства по несению государственной и иной службы; 2. развитие традиционного казачьего уклада жизни и форм хозяйствования; 3. возрождение исторических, культурных и духовных традиций казачества; 4. повышение престижности военной службы, проведение мероприятий по военно-патриотическому воспитанию молодежи, культурно-массовой и спортивной работе и др.

Правовую основу деятельности Войска Донского составляют Конституция Российской Федерации, федеральные законы, указы и распоряжения Президента Российской Федерации, Уставы субъектов Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, правовые акты органа местного самоуправления, а также сам Устав Войска Донского.

Согласно Уставу Войско Донское имеет право, во-первых, представлять и защищать интересы казаков в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации; во-вторых, осуществлять в соответствии с федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации деятельность, направленную на достижение заявленных целей.

В Уставе Войскового Казачьего Общества «**Всевеликое Войско Донское**» есть существенное ограничение: Войско Донское не вправе создавать в своем составе военизированные объединения и вооруженные формирования. В Уставе также определен порядок вступления в казачье общество, права и обязанности казаков, основания и порядок исключения из казачьего общества. Устав закрепляет перечень и функции органов управления Войска Донского: Войсковой круг - съезд выборных членов от каждого станичного казачьего общества, а в период между Войсковыми кругами - Совет атаманов. Войсковой Атаман, избираемый войсковым кругом сроком на три года, вступает в должность после утверждения Президентом РФ. Исполнительным органом Войска Донского является войсковое правление. Кроме того, войсковым кругом избирается суд чести Войска Донского, положение о котором утверждается на Круге и Совет Стариков.

Таким образом, за семь лет с момента выхода Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» на основе Указов Президента Российской Федерации и Постановлений Правительства Российской Федерации, в основном, была создана структура по организации государственной службы казачества России и сформированы правовые основы его деятельности. Однако многие правовые проблемы, связанные с возрождением казачества, так и не нашли своего отражения в изданных Указах и Постановлениях. Кроме того, существует ряд противоречий в законодательстве по проблемам государственной службы. Имеющиеся проблемы можно разделить на две группы: проблемы, связанные с отсутствием механизма реализации имеющихся нормативных актов по проблеме государственной службы и проблемы, связанные с отсутствием четкого правового статуса казачьих обществ.

Практически все виды государственной службы связаны с риском для жизни и здоровья, однако, законом не закреплены за членами казачьих обществ гарантии, которые установлены для государственных служащих в связи с предполагаемым исполнением ими обязанностей государственной службы. К таким гарантиям относятся меры экономического, социального, организационного и правового характера, направленные на реализацию как должностных, так и общих прав и обязанностей государственного служащего. Законодательно не урегулированы условия работы, денежного содержания, ежегодных оплачиваемых отпусков, медицинского обслуживания, переподготовки и повышения квалификации, пенсионного обеспечения, обязательного государственного страхования, защита от неправомерных действий в связи с исполнением обязанностей государственной службы, социальные гарантии при ликвидации и реорганизации и другие гарантии.

Существует ряд недостатков в Уставе ВКС «ВВД», например пунктом 21 Устава предусмотрено фактически два высших представительных органа управления - войсковой Круг и Совет Атаманов и др.

Несмотря на принятие Указов Президента, Постановлений Правительства остается много проблем в становлении Российского казачества в пределах правового поля.

В Государственной Думе длительно находился на обсуждении законопроект «О казачестве», который был отклонен Советом Федерации и отправлен на повторное рассмотрение в Государственную Думу. По мнению руководителей реестрового казачества, законопроект содержал положения, якобы противоречащие законам. Большинство замечаний, содержащихся в приложении к письму\* Президента Российской Федерации от 19 марта 1997 г. **ПР-371**, не учтено в представленном думскими комитетами тексте законопроекта. Концепция закона о казачьих войсках как общественных объединениях, о необходимости переработки которой высказался президент Б.Н. Ельцин, осталась неизменной.

В настоящее время возрождение казачества и создание новой нормативной базы развивается по следующим направлениям: а) организация государственной (военной, пограничной, милицейской, природоохранительной и т.п.) службы казачества; б) создание эффективного казачьего самоуправления в районах, где казачество составляет относительное большинство населения; в) развитие традиционных форм землепользования; г) социальная и иная защита славянского населения; д) восстановление ведущей роли русской православной церкви. Независимо от того, какие функции станут доминирующими, казачество будет важным политическим фактором укрепления российского государства. В условиях сложившегося в 1990-х г.г. противостояния Думы и управления администрации Б.Н. Ельцина, разработка законопроекта практически прекратилась, несмотря на то, что в условиях распада СССР и обострения ситуации на южных границах Российской Федерации казачество стало превращаться в важный фактор политического процесса.

Социальная неоднородность казачества и наличие в нем наряду с казаками маргинальных элементов привели к расколу казачьего движения. Руководство казачьего движения в главе с Н.Н. Козицыным вступило в переговоры с чеченскими сепаратистами и подписало даже более чем странный «Договор о дружбе и сотрудничестве между **«Все-великим Войском Донским»** и Чеченской республикой Ичкерия» от 24 августа 1994 г. Если учесть что Чечня претендовала на выход из состава России, то казачья организация в этом свете выглядела в известном смысле как равнозначный в правовом отношении политический субъект. Кроме того, вскоре выяснилось, что Д. Дудаев не собирался выполнять условия договора и освобождать пленных, а стремился не допустить участия казачьих добровольцев в боевых **действиях** против Чечни по типу Приднестровья.

Полная дискредитация казачьего движения была предотвращена созданием параллельной казачьей структуры, во главе которой встал В.Ф. **Хижняков**. **«Всевеликое Войско Донское»** было включено в государственный казачий реестр, а сам атаман указом Президента получил звание «казачьего генерала» и должность заместителя губернатора. Новый атаман **«Всевеликого Войска Донского»** казачий генерал В. Волоцкий достойно продолжил работу по возрождению казачества.

Казаки служат в 15 казачьих воинских частях, на 42 погранзаставах и 16 пограничных сторожевых кораблях. Против чеченских бандформирований воевал казачий батальон имени генерала Ермолова. Из казаков сформированы две комендантские роты в Наурском и Шелковском районах Чечни, а также 9 постов патрульно-постовой службы МВД Ставропольского края. В войсковых казачьих обществах создано 12 кадетских корпусов и 30 других общеобразовательных учебных заведений, в которых проходит обучение более 7 тыс. казачат. Из обще-

**СТВЕННЫХ** организаций казаков уже образовано 104 казачьих общества (из них 10 войсковых и 6 отдельных) численностью более 600 тыс. человек. Атаманы и уставы этих войсковых казачьих обществ утверждены указами Президента России.

В главе анализируется «Конституция» Ростовской области - ее Устав с точки зрения интересов казачьего движения. Подчеркивается, что в Уставе Ростовской области закреплены важные положения отражающее современный правовой статус казачества, разработанный в Уставе ВВД. В этом документе указывается, что органы государственной власти и органы местного самоуправления Ростовской области в целях восстановления исторической справедливости в отношении казачества осуществляют необходимые меры по реализации требований федерального законодательства в отношении казачества, принимают нормативные правовые акты Ростовской области по вопросам возрождения казачества и обеспечивают их выполнение. Перечислив все права казаков, законодатель подчеркнул, что деятельность казачьих обществ и общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления по возрождению казачества не должна нарушать права и свободы неказачьего населения.

В главе освещаются и анализируются основные тенденции развития двух основных организаций казачества - реестрового (под руководством В.В. Водолацкого) и общественного под началом Н.Н. Козицына, деятельность ППП ЮФО во главе с Казанцевым по координации деятельности казачьих структур и государственных органов. Делается вывод о том, что к началу XXI века на территории Дона и ряда других бывших казачьих областей произошло реальное возрождение казачества и частичное возрождение казачьей государственности в форме элементов особого самоуправления и государственной службы. Дальнейшая перспектива развития казачьего движения и его включения в гражданское общество связана с возрождением казачества как субэтноса и формированием развитого уровня казачьего национального самосознания и правовым решением проблемы его государственных привилегий.

В заключении подведены итоги исследования. **Историко-правовое** осмысление истории донского казачества на протяжении пяти веков его существования позволяет придти к выводу, о том, что на протяжении этой эпохи возник уникальный феномен казачьей государственности, форма которой характеризуется **потестарностью**, военным демократизмом, наличием обычного права. Казачья государственность не трансформировалась в зрелое государство с правовой системой, а интегрировалась на автономных (де-факто) принципах в состав российской империи и кратковременно возродилась в годы распада этой империи и во время гражданской войны.

Феномен казачьей государственности объективно является **аргу-**

ментом в пользу тех теорий происхождения государства и права, которые связывают развитие этого процесса в первую очередь с социальными общественными отношениями, с классовой дифференциацией, созданием государственного аппарата, гарантирующим функционирование системы общественного социального неравенства. Как показало исследование, именно отсутствие зрелых отношений социального неравенства обусловило отсутствие выраженной потребности **специализации управленческих функций и карательного аппарата**, запоздалое становление государственных институтов и отсутствие писаного права. В дальнейшем казачья государственность прошла сложный противоречивый путь, который следует охарактеризовать как **инволюцию, закончившуюся потерей всех признаков суверенитета и автономии** в конечном итоге - полным вовлечением казачества как военно-служебного сословия в правовое пространство российской империи. Восьмимесячное существование полноценного казачьего государства «**Всевеликого Войска Донского**» в годы гражданской войны и его судьба доказывает как наличие феномена казачьей государственности, так и его бесперспективность в новых условиях. В целом следует признать казачью государственность уникальным экспериментом, поставленным самой Историей, доказавшим определенный приоритет социально-классовой теории возникновения государства и права.

Современные попытки возрождения элементов казачьей государственности в форме государственной службы и местного самоуправления также отражают определенные потенции идеи казачьей государственности и самого казачества. Пока будут сохраняться кризисные явления во внешней и внутренней политике, межнациональные конфликты, факты ущемления интересов российского населения, казачья идея будет востребована обществом.

**Основное содержание диссертации изложено в следующих публикациях:**

### **І. Монографии.**

1. Дулимов Е.И. Государство и казачество: проблемы взаимодействия. Монография. - Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского государственного университета, 2002. - 25 п.л.
2. Дулимов Е.И. История власти и казачьей государственности на Дону. // Донская история в вопросах и ответах. Т. 2. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1999. - 25 п.л.
3. Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Государство и донское казачество. - М.: Российская академия государственной службы, 2000. - 12 п.л.
4. Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Самоуправление казаков: история и современность. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 15 п.л.
5. Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. (К вопро-



су о предпосылках формирования казачьей государственности). - Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. - 16 п.л.

## II. Статьи.

1. Дулимов Е.И. Казачество в системе политико-правовых отношений России. // Казачий сборник. Вып. 2. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 2 п.л.
2. Дулимов Е.И. Как складывались взаимоотношения Московской Руси и казачьей государственности на Дону в XVI-XVII в.в.? // История России в вопросах и ответах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. - 0,5 п.л.
3. Дулимов Е.И. Что представляет собой казачье движение в России? // История России в вопросах и ответах. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. - 0,3 п.л.
4. Дулимов Е.И., Агафонов А.И. Как управлялось войско Донское? // Донская история в вопросах и ответах. Т. 1. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 0,2 п.л.
5. Дулимов Е.И., Зодотарев И.И. Каково состояние донского казачьего движения на современном этапе? // Донская история в вопросах и ответах. Т. 1. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 0,2 п.л.
6. Дулимов Е.И. Вопросы управления казачьими войсками на завершающем этапе интеграции казачества в правовое пространство Российской империи. // Ученые записки. Т. 17. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 2001. - 1,5 п.л.
7. Дулимов Е.И. Исторические традиции казачьего самоуправления. (По материалам дореволюционных изданий). // Становление казачьего самоуправления. Доклады и тезисы научно-практической конференции 26-27 февраля 1998 г. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 0,5 п.л.
8. Дулимов Е.И. Казачество в системе политико-правовых отношений России. // Ученые записки. Т. 6. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 1 п.л.
9. Дулимов Е.И. Казачье самоуправление в дореволюционной России. // Ученые записки. Т. 10. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 0,3 п.л.
10. Дулимов Е.И. Казачьи организации и их представители в Государственной Думе 1906-1914 г.г. // Ученые записки. Т. 8. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 1 п.л.
11. Дулимов Е.И. Правовой статус казачества и исторические традиции казачьего самоуправления (по материалам дореволюционных изданий). // Организация казачьего самоуправления. Ч. 1. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1999. - 0,5 п.л.
12. Дулимов Е.И. Рецензия на: Иванников И.А. Теория государства и права. - Ростов-на-Дону: РГУ, 2001. // Государственное и муници-

- пальное** управление. Ученые записки СКАГС, 2001, № 4. - 0,2 п.л.
13. Дулимов Е.И. Российская власть и казачья государственность на Дону. Концепция спецкурса по специальности «Юриспруденция». // Казачий сборник. Т. 2. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 2000. - 1 п.л.
  14. Дулимов Е.И. Славяне на Дону в XII-XVI в.в. // Ученые записки. Т. 16. Памяти Е.Н. Осскокова. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 2001. - 0,5 п.л.
  15. Дулимов Е.И. Совершенствование гражданского общества - основа формирования правового государства. // Ученые записки. Т. 3. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 0,3 п.л.
  16. Дулимов Е.И., Данцев А.А. Новое слово о донских казаках. // Ученые записки. Т. 4. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 0,2 п.л.
  17. Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Каково состояние донского казачьего движения на современном этапе. // Ученые записки. Т. 6. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1997. - 0,5 п.л.
  18. Дулимов Е.И., Золотарев И.И. Современное законодательство и деятельность Войскового казачьего общества «**Всевеликое** Войско Донское». // Ученые записки. Т. 11. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 0,5 п.л.
  19. Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Михаил Жаков - большевик и историк казачьей контрреволюции. // Казачий сборник. Т. 2. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 2000. - 0,2 п.л.
  20. Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Развитие и реформирование государственной власти и системы управления в советском обществе (вторая половина 50-х - середина 60-х г.г.). // История государственного управления России. Учебное пособие. Рекомендовано Министерством образования РФ. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. - 1 п.л.
  21. Дулимов Е.И., Хрипун В.И. Государственное управление и самоуправление в России: история и современность. // Ученые записки. Т. 10. - Ростов-на-Дону: Донской юридический институт, 1998. - 1 п.л.
  22. Дулимов Е.И. Кислицын С.А. Этнополитическое самоуправление регионами России. // Проблемы этнополитики и политологии. - Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы при Президенте РФ - Донской юридический институт, 2000. - 0,8 п.л.
  23. Дулимов Е.И. Рецензия на: Шапсугов Д.Ю., Сергеев В.Н., Звезда Н.В. Государственная и местная власть на Дону в 1917 году. - Ростов-на-Дону: Северо-Кавказская академия государственной службы при Президенте РФ, 2000. - 0,2 п.л.
  24. Дулимов Е.И. Из истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х г.г. //

Юрист-правовед, 2002, № 1. - 0,5 п.л.

25. Дулимов Е.И., Кислицын С.А. Казачество в политико-правовой системе Российского государства: вопросы историографии. // Северо-Кавказский центр высшей школы. **Северо-Кавказский** институт антропологии и **прикладной** психологии. Гуманитарные и социально-экономические науки, 2002, № 1, 2. - 2 п.л.